

Сношенія іерусалимскаго патріарха Досиоея съ русскимъ правительствомъ. (1669—1707 г.).

Глава I *).

Самыя живыя и постоянныя сношенія возникли между русскимъ правительствомъ и всѣмъ православнымъ востокомъ послѣ царскаго вѣнчанія Іоанна Васильевича Грознаго, утвержденнаго константинопольскимъ патріархомъ и соборомъ. Въ Москву, столицу русскаго царя, единого теперь православнаго царя въ цѣломъ мірѣ, стали направляться цѣлыя толпы просителей милостыни изъ всѣхъ странъ православнаго востока, — шли въ Москву рѣшительно всѣ: простой мірянинъ,

*) Матеріаломъ для настоящаго изслѣдованія служили главнымъ образомъ такъ называемыя *Греческія дѣла*, *Греческіе статейные списки*, *Турецкія дѣла*, *Турецкіе статейные списки* хранящіеся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и нѣкоторые другіе рукописные источники, которые будутъ указаны въ самомъ текстѣ. Изъ нихъ здѣсь укажемъ на два очень важныхъ для насъ сборника: на рукописный *сборникъ СПб. синод. библіотеки № 473*. „Икона или изображеніе великія соборныя церкве всероссійскаго и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха престола“, содержащій въ себѣ грамоты Досиоея къ п. Іоакиму, и на переплетенный рукописный *сборникъ моск. синод. библіотеки № 17*, заключающій въ себѣ грамоты Досиоея къ п. Адріану. Этихъ грамотъ Досиоея къ нашимъ патріархамъ въ документахъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ неимѣется. Нѣкоторыя изъ грамотъ Досиоея, хотя и очень немногія, были напечатаны въ разныхъ изданіяхъ: разрѣшительная грамота Досиоея Пансію Лнгариду у *Гиббенета*, *Истор. изслѣдованіе дѣла п. Никона*, т. II, разрѣшительная грамота Досиоея Никону въ „*Собр. лосудъ грам. и дог.*“ т. IV, грамоты Досиоея относительно подчиненія кievской

потерпѣвшій какое нибудь несчастье, убогій инокъ и простой бѣлый священникъ, настоятели всевозможныхъ восточныхъ монастырей какъ извѣстныхъ и знаменитыхъ, такъ и самыхъ незначительныхъ и малоизвѣстныхъ, представители разныхъ восточныхъ кафедръ, начиная съ епископа какой нибудь незначительной кафедры и кончая самимъ вселенскимъ константинопольскимъ патриархомъ. Москва широко растворила свои гостепріимныя двери рѣшительно для всѣхъ просителей, радушно и ласково принимала всѣхъ ихъ и по возможности нескучно помогала каждому: одному давали милостыню, чтобы выручить его изъ какой нибудь бѣды, другому давали деньги, чтобы выкупить своихъ родныхъ, томившихся въ турецкой неволѣ, третьему давали средства поправить обветшавшую обитель, иного кромѣ денежной дачи снабжали церковною утварью, ризами и церковными книгами, іерархамъ бѣдствующимъ епархій давались средства на уплату епархіальныхъ долговъ, инымъ — желающимъ, радушно предлагалось временно пожить въ Москвѣ на полномъ царскомъ содержаніи, или же и вовсе остаться въ Москвѣ „на государево имя“ т. е. навсегда. Бывало и такъ, что нѣкоторые бѣдствующіе восточные іерархи, переселившись въ Москву, получали здѣсь въ управление русскія епархій. Словомъ всѣмъ и каждому старались оказать въ Москвѣ возможную помощь въ томъ или другомъ видѣ, не жалѣя царской соболиной и денежной казны, серебряныхъ кубковъ и чаръ, разныхъ дорогихъ ма-

---

митрополи московскому патриарху въ *Архивъ юго-запад. Россіи т. V*, двѣ грамоты къ государямъ и одна изъ нихъ очень важная, содержащая обвиненія противъ Лихудовъ, въ „*Запискахъ о Петрѣ Великомъ*“ *Туманскаго т. X*, выдержки изъ трехъ грамотъ Досноея къ Петру Великому напечатаны въ приложеніи къ XV тому *Исторіи Россіи Соловьева*; грамота Досноея къ Стефану Яворскому съ обличеніемъ его въ латинствѣ и четыре грамоты Петра Великаго къ Досноею напечатаны въ приложеніи къ нашей книгѣ, „*Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ*“. Изъ множества другихъ грамотъ Досноея, къ нашимъ государямъ, патриархамъ, канцлерамъ Головину и Головину, къ нашимъ константинопольскимъ посламъ и другимъ лицамъ, болѣе важнымъ и характернымъ мы печатаемъ въ приложеніи, а изъ тѣхъ грамотъ, которыя мы неимѣемъ возможности напечатать, въ самомъ текстѣ нашего изслѣдованія дѣлаемъ возможно подробныя выписки.

терій, обильныхъ царскихъ кормовъ и питій, — ни одинъ проситель, прибывшій въ Москву, никогда не возвращался изъ нея домой съ пустыми руками. Благодарные московскому государю за его щедрую милостыню просители или „царскіе богомольцы“, какъ они обыкновенно называли себя, уѣзжая изъ Москвы, обѣщались денно и ночно молиться за благочестиваго и щедраго московскаго царя, а иные старались оказать русскому правительству и нѣкоторыя услуги, которыми оно особенно дорожило, именно: они посылали въ посольскій приказъ въ Москву отписки съ вѣстями о положеніи дѣлъ въ Турціи и о ея отношеніяхъ въ данное время къ другимъ государствамъ, — такія лица становились тайными политическими агентами, состоявшими, за извѣстное вознагражденіе, на службѣ у русскаго правительства. Всѣ же вообще просители, возвращаясь изъ Москвы домой съ царскими дарами, по всему православному востоку, до самыхъ отдаленныхъ уголковъ его разносили славу о могущественномъ и щедромъ московскомъ православномъ царѣ, который печется о всѣхъ православныхъ, близко къ сердцу принимаетъ нужды всѣхъ ихъ, готовъ оказать имъ всегда всякую помощь и защиту, вслѣдствіе чего съ теченіемъ времени возникла и затѣмъ все шире и глубже укоренялась въ умахъ православныхъ народовъ востока та мысль, что московскій православный царь есть глава, охранитель и защитникъ всего вселенскаго православія, что онъ самимъ Богомъ предназначенъ освободить православные народы отъ агарянскаго ига, что всѣ бѣдныя, гонимые и несчастные на православномъ востоцѣ смѣло могутъ обращаться къ нему съ своимъ горемъ и съ своими нуждами и всегда найдутъ у него и утѣшеніе и помощь.

На ряду съ другими просителями милостыни въ Москву неразъ являлись узрѣть „пресвѣтлыя царскія очи“ и попросить благочестиваго московскаго царя о помощи и сами верховные іерархи восточной церкви. Въ Москвѣ побывали, въ качествѣ просителей милостыни, патриархи: константинопольскіе Іеремія и Аѳанасій (Пателарь), іерусалимскіе Теофанъ и Паисій, антиохійскіе Іоакимъ и Макарій, александрійскій Паисій, — всѣ же другіе восточные патриархи, лично

небывшіе въ Москвѣ, присылали къ государю своихъ довѣренныхъ лицъ съ просительными грамотами о милостынѣ, благодаря чему между московскимъ правительствомъ и представителями особенно нѣкоторыхъ восточныхъ патриаршихъ кафедръ, возникали почти постоянныя непрерывныя сношенія, тѣмъ болѣе что и патриархи, подобно нѣкоторымъ другимъ просителямъ милостыни, въ благодарность за получаемую милостыню, въ специальныхъ отпискахъ сообщали русскому правительству разныя политическія вѣсти, или же давали полезные совѣты и указанія нашимъ посламъ въ Турціи ¹⁾.

Особенно близкія и непрерывныя сношенія возникли между московскимъ правительствомъ и патриархами іерусалимскими, которые въ теченіи всего XVII столѣтія были самыми ревностными слугами русскаго правительства, а изъ іерусалимскихъ патриарховъ самымъ преданнымъ и выдающимся его слугою былъ Досіѳей, занявшій кафедру іерусалимскаго патриарха въ январѣ 1669 года.

Іерусалимскій патриархъ Германъ (1534 — 1579 г.), избранный изъ грековъ, (ранѣе его патриархи іерусалимскіе избирались изъ арабовъ, а современи Германа исключительно изъ грековъ) первый вступилъ въ непосредственныя правильныя сношенія съ первымъ русскимъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ и получалъ отъ него неразъ богатую милостыню. Еще ранѣе 1550 года Германъ посылалъ въ Москву инока Арсенія, который привезъ ему отъ московскаго государя милостыню и грамоту. Въ 1550 году въ Москву опять прибыли отъ Германа два старца и привезли государю грамоту отъ патриарха (писанную въ 1548 г.) въ которой Германъ между прочимъ писалъ царю: „ты показалъ любовь свою и усердіе тѣмъ что соорудилъ сіи святыя мѣста потому, какъ тебѣ о нуждѣ нашей сказали посланники наши, инокъ господинъ Арсеній и бывшіе съ нимъ; ты же ихъ

1) Подробности о пріѣздахъ въ Москву съ православнаго востока различныхъ просителей милостыни и о службѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ русскому правительству изложены въ нашей книгѣ. „Характеръ отношеній Россіи въ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ“.

принялъ и многой сподобилъ чести, и они принесли къ намъ милостыню твою — государево жалованье и поминки по родителѣ, шубу блаженнаго отца твоего Василія. Они повѣдали намъ твое милосердіе, страннопріимство и неисчетныя щедроты и милостыни. И пришло опять на насъ Божіе посѣщеніе свыше прежнихъ, славнѣйшій государь, еже бысть трясеніе земли страшно и веліе зѣло, еже и не бысть таково и въ страсть Христову, въ вольное Его распятіе: разсѣлся домъ Божіе церкви и келіи наши и ограда распадошася и самосушее воскресеніе Господа нашего І. Христа надъ гробомъ (т. е. кувуклій) разсѣлся по мѣстомъ и колокольница распалася и иные прочіе церкви въ Геосиманіи и въ Виелемѣ стоятъ пусты“. Въ заключеніе патриархъ просить государя быть ктиторомъ, соорудителемъ и помощникомъ церкви святаго Гроба и воспоминаніе о немъ будетъ вѣчно, какъ и о приснопамятныхъ царяхъ Константинѣ и Еленѣ, „ибо нѣтъ намъ другаго помощника кромѣ Бога и твоего царствія“. Государь на этотъ разъ послалъ милостыню небогатую: 30 рублей патриарху, Гробу Господню на свѣчи и ладанъ 50 р., старцамъ велѣлъ дать на платъ по 2 р. и милостыни по 10 рублѣй. Но за то въ 1559 году царь безъ всякой просьбы со стороны патриарха, послалъ ему съ софійскимъ архидіакономъ Геннадіемъ и купцомъ Василюемъ Поздняковымъ рухляди на четыреста золотыхъ, да бархатную шубу на соболяхъ, да живоносному гробу рухляди на четыреста золотыхъ и на двѣсти золотыхъ въ церковь на Голгоѣѣ т. е. всего на 1000 золотыхъ, кромѣ бархатной собольей шубы для патриарха. Въ отвѣтъ на эту богатую милостыню патриархъ Германъ посѣшилъ прислать царю (1560 г.) благодарственную грамоту, въ которой пишетъ: „ты истинный подражатель милостиваго великаго Царя, Христа Бога нашего; возсылаемъ велегласно славу Господу о царствіи твоёмъ, дабы укрѣпилъ и утвердилъ тебя силою своею, въ исполненіе божественныхъ заповѣдей, на похвалу и пользу и помощь нашему роду, единокровнымъ тебѣ христіаномъ. „Въ заключеніе грамоты патриархъ просить государя“ обновить и утвердить святые сосуды, какъ его наставитъ Богъ“, просить прислать ему митру, которую бы онъ могъ носить

при богослуженіи, „ибо многіе здѣсь у св. Гроба носятъ митры: армяне и хабези (абиссинцы) и прочіе, только мы одни ее неимѣемъ“²⁾.

Отъ преемника Германа патріарха Софронія дошло до насъ нѣсколько просительныхъ грамотъ о милостынѣ къ царямъ Θεодору Іоанновичу, Борису Годунову и Іже-Дмитрію. Такъ въ 1586 году п. Софроній въ грамотѣ поучаетъ государя твердо держаться преданнаго отцами православія, быть милосердымъ, независтливымъ на чужое добро, соблюдать себя отъ всякаго грѣха, и затѣмъ говорить: „прилично также боговѣнчанымъ царямъ помнить всегда нищихъ, убогихъ и нуждающихся, творить милостыню и имѣть любовь къ святымъ церквамъ и монастырямъ и ко святому живоносному Гробу Господа нашего І. Христа, гдѣ горятъ два поникадила ради многолѣтняго и богодарнаго, честнаго и славнаго Богомъ соблюдаемаго имени царствія твоего; и мы молимъ за тебя днемъ и ночью, на священныхъ литургіяхъ и во всякихъ божественныхъ службахъ, да сподобишься принять отъ Бога вышній іерусалимъ“. Въ отвѣтъ на это посланіе Софронія государь отправилъ къ нему милостыни на 900 рублей, кромѣ того послалъ еще особо патріарху 82 р. и четыре алтына съ деньгою, чтобы патріарха устроилъ два кандила (лампады) у Гроба Господня и одно на Голгоѣѣ, чтобы кандилы горѣли тамъ день и ночь за царское здравіе и чадородіе царицы, пока тѣхъ денегъ станетъ на масло. Въ 1592 году государь послалъ въ іерусалимъ къ патріарху: митру, золотую чашу для святой воды, убрусецъ низанъ жемчугомъ дробнымъ и четыре сорока соболей. Въ то же время послалъ богатую милостыню въ Іерусалимъ къ патріарху и Борису Годунову³⁾. Въ августѣ 1603 года въ Черниговѣ явился посланный патріарха Софронія архимандритъ Теофанъ, будущій патріархъ іерусалимскій. Онъ привезъ между прочимъ отъ св. гроба бѣлый мраморный камень, который высѣкъ изъ живогворящаго гроба еще прежній патріархъ Германъ и на-

писалъ на немъ царскіе имена: Іоанна Васильевича, Θεодора Іоанновича и Бориса Годунова,— а теперешній патріархъ Софроній подписалъ на камнѣ свое имя. Съ Теофаномъ патріархъ прислалъ грамоту къ государю, въ которой между прочимъ писалъ: „ты вѣдаешь, благочестія любительный царь, что у насъ всендневные неисчетные расходы и что мы терпимъ напрасное поношеніе отъ агарянъ, здѣсь во святыхъ мѣстахъ, ради Христа, а кромѣ Бога иного помощника не имѣемъ, и заступника и покровителя во дняхъ сихъ, какъ тебя единаго святаго царя государя нашего, и на тебя возлагаемъ все наше упованіе и надежду и къ тебѣ прибѣгаемъ. Да еще, въ нынѣшнихъ послѣднихъ годахъ, возстали вездѣ великія войны, и отъ того ниоткуда не бываетъ нима-лѣйшей милостыни, и задолжалъ св. гробъ болѣе десяти тысячъ золотыхъ. Въ такомъ великомъ убожествѣ и нуждѣ пребываемъ, что и пищею скудны,—вѣдаетъ то Богъ,—и все то терпимъ для имени Христова, какъ прежніе мученики, но тѣ только день, два или три, а мы на всякъ день мучимся для святыхъ мѣсть“. Въ заключеніе грамоты патріархъ просить государя купить для св. гроба виноградникъ съ масличными деревьями „для вина церковнаго и масла, чтобы зажигать въ кандилахъ“. На Рождествѣ государь принималъ Теофана, которому дано было царское жалованье: 50 руб. деньгами, сорокъ соболей въ 20 рублей, два сорока куницъ, лисья шуба въ десять рублей и 1000 бѣлокъ. 7 февраля (1604 г.) по указу государя Теофанъ, вмѣстѣ съ другими просителями милостыни, бывшими тогда въ Москвѣ, представлялся патріарху Іову, который велѣлъ имъ сѣсть и распрашивалъ, какъ они шли (въ Москву) и какъ они пребываютъ подъ властію невѣрныхъ агарянъ. Теофанъ отвѣчалъ, что многую нужду, бѣды и тѣсноту терпятъ, и еслибы не милосердіе царя Бориса Θεодоровича всея Руси, то бы они до конца погибли. Потомъ патріархъ одарилъ Теофана и другихъ образами, деньгами, соболями и отпустилъ къ себѣ на подворье, пославъ имъ туда отъ себя почетный кормъ на мѣсто приглашенія къ столу у себя. 4 марта Теофанъ былъ на отпускѣ у государя, причемъ царь Борисъ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „архимандритъ Теофанъ! пріѣз-

²⁾ Греческіе статейные списки № 1, л.л. 43—44, 159—165.
 ibid. — л.л. 208, 218, 227.

жалъ еси къ намъ, къ великому государю, царю и великому князю Борису Θεодоровичу всея Руси самодержцу, и къ сыну нашему, царевичу князю Θεодору, отъ іерусалимскаго патріархъ Софронія съ грамотою бить челомъ о милостынѣ, а въ грамотѣ своей къ намъ Софроней патріархъ писалъ о своихъ скорбяхъ и утѣшенъи отъ иновѣрныхъ, и что одолжалъ великимъ долгомъ, а ни откуда помощи неимѣеть развѣ Бога да насъ великаго государя. И мы нынѣ васъ отпускаемъ къ патріаху Софронею, а съ вами посылаемъ къ живоносному гробу Господа нашего І. Христа и святаго Его Воскресенія Евангеліе греческое письмо на престоль въ церковь Воскресенія Господа нашего І. Христа, да къ патріарху Софронею посылаемъ сосуды церковные, да репиды, да два пояса къ стихаремъ, да наше царскіе задравные милостыни шубу соболью подъ бархатомъ, да жена моя царица и великая княгиня Марья къ патріарху жъ сулокъ сажень, да ширинку, да 300 золотыхъ угорскихъ. А прежь сего послалъ есми къ патріарху съ кесарійскимъ митрополитомъ Германомъ да съ архимандритомъ Дамаскинымъ наша задравные милостыни 60 сороковъ соболей, 12,000 бѣлокъ, 1000 золотыхъ угорскихъ. И Софроней бы патріархъ то принявъ, молилъ Господа Бога и Спаса нашего І. Христа у живоноснаго гроба, чтобъ Господь Богъ по неизреченному своему милосердію и челоуѣколюбію и для его молитвъ даровалъ намъ душевное спасеніе и тѣлесное здравіе, и послалъ бы намъ милость свою: помощь и одолѣніе на вся враги видимыя и не видимыя. — А изговоря государь рѣчь архимандриту молвилъ: „архимандритъ Теофанъ! какъ будешь у Софроней патріарха и ты отъ насъ патріарху поклонись“, и поклонился государь объ руки и приказалъ архимандриту, чтобъ онъ потомужъ патріарху поклонился додолу. Да государь же архимандриту молвилъ: посылаетъ сынъ мой, царевичъ князь Θεодоръ, къ Софронею патріарху милостыни 2000 золотыхъ угорскихъ, и Софроней бы патріархъ о насъ и о нашемъ царевичѣ, князѣ Θεодорѣ, многолѣтномъ здравье молилъ Господа Бога и пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ богоудодившихъ, чтобъ Господь для ради молитвъ его отпустилъ намъ грѣхи и подаровалъ душевное спасеніе и тѣлесное здравіе, а мы,

великій государь, и сынъ нашъ, царевичъ князь Θεодоръ, учнемъ впередъ къ Софронею патріарху наше жалованье держати наипаче прежняго“⁴⁾).

Когда Теофанъ, по смерти патріарха Софронія, сдѣлался его преемникомъ, то, уже въ санѣ патріарха, онъ рѣшилъ снова посѣтить радушную и щедрую Москву, чтобы получить отъ русскаго царя милостыню на искупленіе св. гроба. Милостыня Теофану въ Москвѣ дѣйствительно дана была богатая⁵⁾, но его посѣщеніе Москвы имѣло и особое значеніе.

4) Греческія дѣла 7111 г. № 3.

5) Въ приказныхъ записяхъ о милостынѣ Теофану значится: „во 127 году былъ въ Москвѣ іерусалимскій патріархъ Теофанъ и ему дано на приѣздѣ отъ государя: кубокъ серебряный золоченый съ кровлею, вѣсомъ 8 гривенокъ (гривенка полфунта) 47 золотниковъ, портище бархату чернаго гладкаго добраго, портище бархату рытаго вишневаго добраго, два портища камовъ добрыхъ, да вишневой добрыя же; сорокъ соболей въ 70 рублей, сорокъ соболей въ 30 рублей, денегъ 200 рублей и всего на 400 рублей. Да емужъ на поставленіе Филарета никитича дано отъ государя послѣ стола: кубокъ серебряный золоченый съ покрывкою въ 7 гривенокъ—35 рублей, стопа серебряная въ 4 гривенки—20 рублей, бархатъ гладкій чернѣй—15 рублей, бархатъ гладкій зеленѣй—15 рублей, камка черная—10 рублей, камка багровая чешуйчатая — 10 рублей, объари багровы — 10 рублей, сорокъ соболей въ 80 рублей, денегъ 200 рублей, всего на 400 рублей. Да къ патріарху послано, что было послано въ соборной церкви на царскомъ и патріаршемъ мѣстѣ: 2 половинки и 5 аршинъ сукна щарлату червчататаго цѣна 112 рублей, три половинки сукна аглицкаго темно синяго цѣна 57 рублей, три отласа турецкихъ цѣна 267 рублей съ полтиною. Послѣ поставленія и объда у Филарета Никитича послѣднимъ дано Теофану, образъ облаженъ серебромъ чечаномъ, кубокъ серебряный золоченый съ кровлею въ 5 гривенокъ—25 рублей, стопа серебряная въ полтри гривенки—13 рублей, бархатъ гладкій чернѣй—15 рублей, камка черная—10 рублей, камка багровая чешуйчатая—10 рублей, сорокъ соболей въ 80 рублей, денегъ 150 рублей, всего на 300 рублей опрѣчь образа. На отпускѣ Теофану дано было отъ государя, кубокъ серебряный золоченый съ кровлею въ 5 гривенокъ—25 рублей, портище бархату гладкаго смирнаго—10 рублей, 2 портища камки багровы да вишневыя—20 рублей, сорокъ соболей въ 70 рублей, денегъ 150 рублей, а всего 275 рублей. Отъ Филарета Никитича Теофану на отпускѣ дано было, образъ облаженъ серебромъ чечаненъ. кубокъ серебряный золоченый съ кровлею въ 4 гривенки 20 рублей, бархатъ чернѣй гладкій — 10 рублей, камка черная куотерь—10 рублей, сорокъ соболей въ 50 рублей, денегъ 100 рублей, а всего 190 рублей. Да отъ государыни инокини Марѣы, когда Теофанъ былъ у нея на приѣздѣ, ему было дано, образъ пречистыя Богородицы облаженъ се-

Предъ прїѣздомъ въ Москву Теофана архимандритомъ Троицкой лавры Діонисіемъ, вмѣстѣ съ Арсеніемъ Глухимъ и Иваномъ Насѣдкою, произведено было, по повелѣнію Государя, исправленіе Потребника, причемъ они въ молитвѣ на освященіе воды въ Богоявленіе вычеркнули слово *и огнемъ*. Книжныя исправленія и особенно упраздненіе незаконной прибавки *и огнемъ*, возбудило противъ исправителей цѣлую бурю, такъ что Діонисій даже подвергся истязаніямъ и заключенъ былъ въ темницу. Теофанъ, прибывъ въ Москву, вступился въ это дѣло, добился освобожденія Діонисія, а послѣ оправдалъ въ глазахъ Филарета Никитича сдѣланныя Діонисіемъ книжныя исправленія и особенно уничтоженіе слова *и огнемъ*, какъ незаконнаго прилога. Онъ общалъ Филарету Никитичу навести объ этомъ точныя справки въ имѣющихся на востокѣ древнихъ греческихъ рукописяхъ, что потомъ и исполнилъ, послѣ чего Филаретъ Никитичъ приказалъ уничтожить слово *и огнемъ* во всѣхъ Потребникахъ. Эти два частные и повидимому мелочные случаи имѣли однако для будущаго важное принципиальное значеніе, именно: признаніе Филаретомъ Никитичемъ, по настоянію Теофана, полной правоты Діонисія и его сотрудниковъ въ дѣлѣ книжнаго исправленія, было торжественнымъ признаніемъ со стороны

ребромъ чеканенъ, въ вѣнцѣ камня яхонты и бирюзы, бархатъ гладкій—15 рублей, камка багровая—10 рублей, два сорока соболей въ 100 рублей, денегъ 100 рублей, а всего на 225 рублей. Всего патриарху дано отъ государя, патриарха и государыни на прїѣздъ и на отпускъ 1800 рублей, отричь образовъ и ставленаго мѣста, а и съ тѣмъ что дано ставленое мѣсто 2236 рублей съ полтиною“. Кромѣ царя, царицы и патриарха Теофану давали на милостыню власти, бояре и монастыри. Когда, напримѣръ, Теофанъ носѣтилъ Троицкую лавру, то особымъ царскимъ указомъ предписывалось троицкимъ властямъ воднести патриарху, „образъ Богородицы чеканенъ съ пеленою изъ старыхъ образовъ, образъ Сергіево видѣніе обложенъ серебромъ, кубокъ серебряный въ 7 гривенокъ, братина серебряная въ 10 рублей, атласъ смиренный, камка адаманка синяя или багровая, обьяръ, если есть, сорокъ соболей въ 40 рублей, денегъ 50 рублей два полотенца троицкихъ, 5 братинъ троицкихъ съ вѣнцы хорошихъ, ставки троицкіе, ковчѣ троицкій, судки столовыя деревянные подписаны, стона блюдъ большихъ подписанныхъ, братина великая съ крышкой подписанная, кушничекъ писаной немаль“ (греческія дѣла 7133 г. № 5 и 7157 г. № 7).

русской церкви неисправности ея богослужебныхъ книгъ и необходимости ихъ исправленія вообще; а то обстоятельство, что слово *и огнемъ* было вычеркнуто только послѣ того, какъ съ востока пришло свидѣтельство, что этого слова дѣйствительно нѣтъ въ древнихъ греческихъ спискахъ молитвы, прямо говорило за то, что русскія церковныя книги при своемъ исправленіи, особенно въ виду могущихъ возникнуть сомнѣній и недоумѣній, должны быть свѣряемы съ греческимъ текстомъ. Но этимъ значеніе пребыванія Теофана въ Москвѣ для русской церкви еще не ограничилось. Въ житіи преп. Діонисія, архимандрита Троицкой лавры, говорится, что въ Москвѣ Теофанъ „укрѣпляше единомудрствовати, о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія и древнихъ уставовъ четырехъ патриаршествъ не отлучатися“. Къ сожалѣнію документы о пребываніи Теофана въ Москвѣ до насъ не дошли и мы не можемъ по этому точно указать, по какому именно частному случаю Теофанъ счелъ необходимымъ убѣждать русскихъ „единомудрствовати, о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія и древнихъ уставовъ четырехъ патриаршествъ не отлучатися“, и что именно въ русской церковной практикѣ онъ находилъ несогласнымъ съ старыми законами греческаго православія и съ древними уставами четырехъ патриаршествъ. Можно однако думать, что Теофанъ, проживая въ Москвѣ, подмѣтилъ тѣ особенности въ русскихъ чинахъ и обрядахъ, которыми они порознились съ тогдашними греческими. До насъ дошла записка современника очевидца о томъ: „какъ служилъ Теофанъ патриархъ Іерусалимскій съ русскими митрополитами, съ Казанскимъ Матвѣемъ и со архіепископы“. Изъ этой записки оказывается что русскіе іерархи, служа вмѣстѣ съ Теофаномъ и видя, что онъ въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ дѣйствіяхъ поступаетъ не согласно съ тогдашнею русскою церковною практикою, и считая ее прагѣе греческой, простоудшно поучали Теофана, какъ онъ долженъ правильно совершать то или другое богослужебное дѣйствіе, такъ что по окончаніи богослуженія Теофанъ иронически поблагодарилъ за науку своихъ учителей: „просвѣтили де вы меня, говорилъ онъ русскимъ іерархамъ, своимъ благочестіемъ и напоили де жажду-

щую землю водою своего благочестиваго ученія, и на томъ де вамъ много челомъ бью“⁶⁾). Значить сами русскіе іерархи обращали вниманіе Теофана на то обстоятельство, что между русскими и современными греческими церковными чинами и обычаями существовали нѣкоторые разности. Теофанъ несчелъ однако удобнымъ вступать въ какія либо пренія и состязанія относительно особенностей русскаго чина и обряда съ Казанскимъ митрополитомъ и другими русскими архіереями, но за то несомнѣнно, посвятивъ въ патріархи Филарета Никитича, онъ имѣлъ съ нимъ бесѣду о русскихъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, поскольку они порознились съ тогдашними греческими чинами и обрядами, и умолялъ своего ставленника „древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ не отлучатися“. За это имѣется и положительное извѣстіе. На пути въ Москву Теофанъ, проѣзжая южною Русью нашелъ тамъ такой обычай: „въ причащеніи Пресвятыхъ и Животворящихъ тайнъ трикратное податіе съ отдѣленіемъ именъ Божіихъ: Отець Сынъ и Святыи Духъ численіемъ“, каковой обычай, на возвратномъ пути изъ Москвы, онъ подвергъ въ окружной своей грамотѣ осужденію, какъ обычай чуждый православной церкви и неблагочестивый⁷⁾. Но, будучи въ Москвѣ, Теофанъ нашелъ и здѣсь тотъ же обычай трикратнаго подаенія святыхъ даровъ въ приобщеніи Св. тайнъ, почему онъ и обратился къ Филарету Никитичу и Государю, чтобы они уничтожили этотъ неправый обычай, замѣнивъ его единократнымъ подаеніемъ св. даровъ, какъ это дѣлается у всѣхъ четырехъ восточныхъ патріарховъ. Настоянія Теофана имѣли успѣхъ: „тамошній Московскій ерхіепископъ, говоритъ онъ въ другой своей грамотѣ къ южно-руссамъ, за благочестивымъ царемъ тотъ трикратный обычай покинуть обѣщались“⁸⁾. Очень

6) Записка о томъ „какъ служилъ Теофанъ патріархъ Іерусалимскій съ русскими митрополитами, съ Казанскимъ Матвѣемъ и со архіепископомъ“, напечатана въ нашемъ изслѣдованіи: „Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ“, стр. 32 и въ Чтен. Общ. ист. и древн. 1883 г. кн. II.

7) Архивъ Юго-Западн. Россіи т. V стр. 7.

8) Рукописный сборникъ бібліотеки Моск. Румянц. музея № 712, л. л. 2040 б.—206.

можетъ быть, что Филаретъ Никитичъ по указаніямъ Теофана, произвелъ и другія исправленія въ нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ обычаяхъ въ смыслѣ ихъ согласованія съ тогдашними греческими, такъ что исправленіе нашего церковнаго обряда и чина, по указаніямъ современныхъ греческихъ іерарховъ, началось несомнѣнно гораздо ранѣе Никона, — еще съ Филарета Никитича, только предшественники Никона производили эти исправленія не систематически, а по частямъ и, такъ сказать, случайно и эпизодически, тогда какъ Никонъ произвелъ это исправленіе въ цѣлой совокупности русскаго церковнаго обряда и чина, — дѣло исправленія, или точнѣе, согласованія русскаго обряда и чина съ тогдашнимъ греческимъ, поставилъ одною изъ главныхъ задачъ своего патріаршества.

Для послѣдующихъ сношеній Іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ самымъ важнымъ событіемъ за время пребыванія Теофана въ Москвѣ было то, что онъ поставилъ въ патріархи Филарета Никитича, благодаря чему Филаретъ Никитичъ, какъ ставленникъ Теофана, всегда относился къ нему съ особеннымъ вниманіемъ и предупредительностію, исполняя по возможности всѣ его просьбы и ходатайства, вслѣдствіе чего между Іерусалимскимъ патріархомъ и Московскимъ правительствомъ установились самыя близкія и постоянныя сношенія, продолжавшіяся, до самой смерти Теофана. Такъ въ 1625 году отъ Теофана прибылъ въ Москву за милостынею архимандритъ Кирилль. Въ присланной съ нимъ грамотѣ Теофанъ писалъ государю о тѣхъ безчисленныхъ нуждахъ и страданіяхъ, какія они терпятъ отъ иноплеменныхъ еретиковъ, что долгъ великой церкви животноснаго Гроба простирается до 15,000 золотыхъ и что злоумышленники хотятъ изгнать ихъ отъ св. Гроба и Лобнаго мѣста, но мы де надѣмся на государя, лицо котораго видѣли въ Москвѣ и получили отъ него тогда милостыню, „и впредь отъ державы царствія твоего помощи чаемъ, противъ ихъ всегда стоимъ и не дадимъ имъ, нечистымъ псамъ, завладѣти и потѣснити живодорованнаго Гроба Христа“, и заключаетъ свою грамоту просьбою къ царю чтобы „великій государь прислалъ ко св. Гробу на освобожденіе отъ тяж-

каго долгу милостины, и мы развѣ Бога и васъ государя много помощника и теплаго заступника къ церкви Христо-вой не имѣемъ, — буди свободитель!“ Съ архимандритомъ Кирилломъ Теофану послано было отъ государя и патриарха соболями на 350 рублей, да отъ царицы Марфы лампада серебряная и 100 р. на масло. Кромѣ того государь послалъ Теофану „чашу серебряную съ поддонникомъ для освѣщенія воды“, а Филаретъ Никитичъ „рукомойникъ да лаханъ серебряные позолоченные, ширинка сажена жемчуги съ кистями. Въ лохани вѣсу 17 гривенокъ 34 золотника, а по цѣнѣ деньгами 88 р. 18 алтынъ; въ рукомойникѣ вѣсу 14 гривенокъ, 6 золотниковъ, а по цѣнѣ деньгами 70 р. 21 алтынъ; всего въ лохани и рукомойникѣ вѣсу 31 гривенка, 40 золотниковъ, а стоятъ на деньги 159 рублей, 6 алтынъ; ширинка въ счетъ не положена“⁹⁾). И въ послѣдующіе годы Теофанъ очень нерѣдко писалъ государю о тѣхъ бѣдахъ и напастяхъ, которыя они терпятъ въ Иерусалимѣ особенно отъ еретиковъ вѣры папешскія и всегда просилъ его помощи. Такъ, напри- мѣръ въ 1634 году онъ пишетъ государю: „буди вѣдомо державный царю и христовозлюбленный сыну нашего сми-ренія, что мы случилися пребывать въ Константинополь для нѣкихъ причинъ: учинилися во святыхъ мѣстахъ отъ нѣмцевъ, роду латинскаго, многіе бѣды и споры съ ними для ради святыхъ пещеры святаго Виолиема, гдѣ І. Христосъ родился для нашего спасенія,—и хотѣли насъ совсѣмъ оттолѣ отста-вить и денежныя многіе протори учинились намъ съ ними, только Божіе просвѣщеніе далось въ сердцѣ многолѣтнему царю Салтанъ Мурату, учинилъ намъ крестьяномъ праведно, а нѣмецъ много опозорилъ“. Филарету Никитичу Теофанъ писалъ: „буди вѣдомо святѣйшій владыко, что бѣды и нужи чинятца и терпимъ всегда отъ недруговъ вѣры нашея святаго ради Гроба и святаго Виолиема и болши отъ гордыхъ ере-тиковъ раду папешскаго, похваляются и надѣются на богат-ство свое, а мы всегда прибѣгаемъ къ Божіей силѣ и къ надежѣ и къ помощи, и къ благочестивому самодержцу царю Михаилу Теоодоровичу“... Въ слѣдующемъ 1635 году Тео-

⁹⁾ Греческія дѣла 7133 г. № 5.

фанъ снова прислалъ въ Москву архимандрита Кирилла. Въ присланной съ нимъ грамотѣ царю онъ писалъ, „что учинилась у нихъ въ Иерусалимѣ великая смута и истязаніе межъ православныхъ и латинъ тамо живущихъ о божествен-ной и святой и великой пещерѣ, въ ней же плотию родился Господь нашъ І. Христосъ и о иныхъ святыхъ мѣстехъ, и видя де они то, что немощно тѣхъ дѣлѣ тамъ докончати, пріѣхали въ Царьгородъ и многажды съ латини и съ иными роды въ царскомъ диванѣ судились, и то де и государевы первые послы: Аванасій Прончищевъ да дьякъ Тихонъ Бор-мосовъ и другіе послы: Яковъ Дашковъ да дьякъ Матвѣй Сомовъ видѣли. И Муратъ Салтанъ де посылалъ въ Иеруса-лимъ людей своихъ велѣлъ ключи св. пещеры у враговъ ихъ взять и привести въ Царьгородъ, и тѣ де ключи въ Царь-городъ привезены и отданы ему патриарху въ руки, и во всемъ де они враговъ своихъ одолѣли. А учинились де во Иерусалимѣ и во Царѣгородѣ имъ въ томъ многіе и великіе протори и убытки, а помогали де имъ въ тѣ протори хри-стіане, которые тамъ живутъ, кто-жъ по своей силѣ. Да они жъ де заняли для тѣхъ же дѣлѣ 25,000 рублей у ино-племенныхъ іудеевъ въ великіе росты, а заплатитъ де имъ того долгу нечѣмъ, и для того послалъ онъ, патриархъ, къ государю бити челомъ о освобожденіи Гроба Господня и иныхъ святыхъ мѣсть для милостины архимандрита Кирилла... И государь бы пожаловалъ къ тѣмъ святымъ мѣстомъ велѣлъ дати милостыню, чтобъ имъ свободиться отъ долгу, и былъ бы тѣхъ святыхъ мѣсть новый соорудитель, якожъ святой царь Константинъ и мати его царица Елена, которые тѣ св. мѣста сооружали“. Такъ какъ въ прошломъ году, говоритъ приказная записъ, съ посломъ Коробиннымъ было послано п. Теофану на 150 р. соболями, да по душѣ Филарета Ни-китича на поминъ ко Гробу Господню соболями на 500 рублей, то теперъ государь приказалъ послать п. Теофану 150 р., да на освобожденіе Гроба Господня 1000 р. собо-лями¹⁰⁾). И въ послѣдующее время Теофану неразъ посила-

¹⁰⁾ Греческія дѣла 7142 г. № 7; 7143 г. № 1.

лась изъ Москвы богатая милостыня и помимо денегъ и соболей. Такъ, напримѣръ, въ 1644 г. ему послано было съ архимандритомъ его Анеимомъ 10 окладныхъ иконъ, „а на окладъ на тѣ иконы пошло ефимочнаго серебра, которое взято изъ сибирскаго приказу, пудъ 8 гривенокъ и 25 золотниковъ, цѣна по 7 рублей фунтъ, итого 337 рублей, 27 алтынъ, 3 деньги. Да на тотъ же окладъ пошло листового золота 7300 листовъ, цѣна по 9 рублей, по 24 алтына, по 2 деньги тысяча, — итого 71 рубль, 6 денегъ. Да на вѣнцы и на подписи взято изъ казны жъ 44 золотыхъ, по рублю золотой, итого 44 рубли. Да серебрянымъ мастерамъ отъ того иконного окладу отъ дѣла дано 65 рублей. Всего на иконный окладъ изошло 517 рублей, 28 алтынъ, 3 деньги“. Въ то же время Теофану сдѣлана была и послана шапка (митра) цѣною въ 880 рублей, 29 алтынъ ¹¹⁾.

Теофанъ былъ первымъ Иерусалимскимъ патриархомъ, стремившимся оказывать русскому правительству и разнымъ поли-

¹¹⁾ Въ тое шапку золота пошло и съ угаромъ 2 фунта, 823 олотника съ ползолотникомъ, цѣна по 40 алтынъ золотой. Да въ тое-жъ шапку поставлено каменя, а взято изъ мастерскіе палаты: два яхонта лазоревыхъ сережныхъ цѣна 70 рублей, и тѣ яхонты растерты на два и сдѣлано 4 яхонта и огранены; да 4 яхонта лазоревыхъ въ гнѣздахъ золотыхъ, цѣна по 8 рублей яхонтъ; да изъ приказа золотого дѣла взято: яхонтъ червчатой въ гнѣздѣ золотомъ, цѣна 6 рублей камень; 4 изумруда вставочныхъ по 12 рублей изумрудъ, 3 изумруда сережныхъ по 10 рублей изумрудъ, да изумрудъ же сережный 18 рублей; 5 яхонтовъ червчатыхъ по 20 алтынъ яхонтъ; 20 искорокъ изумрудныхъ, цѣна 5 алтынъ по 2 деньги искорка; 8 яхонтиковъ червчатыхъ по полтинъ камешокъ. Да въ тое-жъ шапку поставлено на дробницы налпни 44 зерна бурминскихъ по рублю зерно; да на обнизку около дробницъ пошло жемчугу 51 золотникъ съ четью, цѣна по 4 рубля золотникъ. Въ тое-жъ шапку пошло аршинъ атласу, цѣна 30 алтынъ, полтаршина камки вишневоѣ цѣна 15 алтынъ, два аршина тофты лазоревой на рубль на 13 алтынъ, двѣ деньги; два аршина киндяку лазореваго на 6 алтынъ четыре деньги; 8 горвостаевъ по 2 алтына съ деньгою горностай; да на оболочку лагалица пошло 2 сафьяна зеленыхъ, цѣна рубль 6 алтынъ 4 деньги; да полтора золотника шолку бѣлаго на 6 денегъ, бумага хлопчатой кругъ вѣнца фунтъ 3 алтына; да отъ лагалица и за дерево дано отъ дѣла 36 алтынъ, двѣ деньги и всего той шапкѣ цѣна 880 рублей 29 алтынъ“, такъ что на митру Теофану на современныя деньги затрачено было не менѣе 20,000 р. сер. (Греч. дѣла 7152 г. № 3; 7202 г. № 20. Греч. статейные списки № 2, листы незаномерованы).

тическія услуги. Еще находясь въ Москвѣ, онъ торжественно заявлялъ въ настольной грамотѣ Филарету Никитичу: „должны мы всею душою и всѣмъ помышленіемъ своимъ святому и великому его царствію дѣлать и служить, не токмо днесь, но и по вся годы и до скончанія живота своего. Когда наше смиреніе узрѣло собственными своими очами его, благочестивѣйшаго и смиреннѣйшаго царя Михаила Теодоровича, самодержца всероссійскаго, и увѣрилось въ дарованіи отъ горняго Божія промысла великому его царствію разширенія и умноженія, то, справедливо разсудивъ о семъ поняло, яко единъ есть онъ нынѣ на земли царь великій и благочестивый, и инаго нынѣ такого истиннаго во всей вселеннѣй подъ небесемъ и подъ солнцемъ на земли не обрѣтало“ ¹²⁾. И дѣйствительно, возвратившись на востокъ, Теофанъ сталъ по мѣрѣ силъ служить Московскому правительству. Въ 1634 году онъ пишетъ Филарету Никитичу: „съ которыми великими людьми (при турецкомъ правительствѣ) знаемся, мы всегда ихъ понуждаемъ на помощь царствію вашему и видимъ, что въ доброту пошло дѣло“. Присылалъ онъ въ Москву и нарочныя отписки съ политическими вѣстями. Такъ въ сентябрѣ 1637 года онъ писалъ государю: „буди вѣдомо царствію твоему, что писали мы прежде сего о здѣшнихъ вѣстяхъ, а нынѣ пишемъ съ нѣкоторыми христианами, господиномъ Порфириемъ Афанасьевымъ и Дмитриемъ Филипповымъ, которые пріѣдутъ къ царствію твоему; они люди добрые и скажутъ обо всемъ наизусть о здѣшнемъ царствѣ. Турской царь хотѣлъ ѣхать въ Кызылбашескую землю воевать, такъ славится здѣсь, а подлинно невѣдомо, только велѣли татаромъ идти воевать украину царствія твоего; и такъ вели оберегать ее великимъ береженьемъ. А что намъ невозможно писать къ царствію твоему, тѣ вѣсти скажутъ оныя христиане наизусть, и еще что вѣдаютъ. Если и послѣ сего что здѣсь объявится, мы будемъ про то писать царствію твоему“. Въ 1638 году Теофанъ писалъ государю: „Посемъ пишемъ и объявляемъ, что дѣлаецца во Царьградѣ и о томъ у насъ бываетъ великій страхъ, о томъ бо есть и вамъ вѣдомо,

(12 Собр. госуд. грам. и догов. т. III, № 46.

только наша великая любовь и для благочестія твоего и для милостыни, что имѣете къ намъ, понуждаетъ насъ писать и объявляти“ и затѣмъ сообщаетъ крымскія и турецкія вѣсти¹³⁾.

Когда послѣ смерти Теофана (15 декабря 1645 г.) на его мѣсто былъ избранъ игумень Паисій, ранѣе уже два раза побывавшій въ Москвѣ по порученію Теофана (въ 1636 г. и въ 1638 г.), то онъ немедленно особою грамотою поспѣшилъ извѣстить государя о своемъ избраніи въ патриархи Іерусалимскіе (которое состоялось 23 марта 1646 г.) и въ тоже время просилъ его по прежнему не оставлять своею царскою милостынею св. Гроба въ виду тѣхъ великихъ нуждъ и неисчетныхъ проторей, какія на нихъ налагаютъ безбожныя агаряне, постоянно стремящіеся отнять у нихъ св. мѣста. Въ томъ же году Паисій прислалъ государю вторую грамоту съ грекомъ Теофиломъ Ивановымъ, въ которой между прочимъ пишетъ: „извѣщаю великому и державному и святому вашему царствію о нѣкоторыхъ торговыхъ людехъ и о чернахъ, что они научилися составлять ложные печати, и пишутъ грамоты будто отъ меня и привозятъ къ царствію вашему, и за то имъ подобаетъ великое наказаніе и поученіе, что бы необманывали народъ христіанской, такоже и царей. И сего ради посылаю сіе мое знамя, чтобы вамъ впередъ было вѣдомо и вѣрно: которые люди учнутъ впередъ пріѣзжати отъ насъ съ двѣма печатми, — большая печать по достоянію внизу грамоты подъ подписью, а меньшая печать поверхъ грамоты съ правой руки у титула, — потому учнете узнавать впередъ тѣ наши грамоты“¹⁴⁾. Подобно своему предшественнику Теофану патриархъ Паисій рѣшился самъ отправиться въ Москву, куда онъ и прибылъ 27 января 1649 года. Въ Москвѣ патриархъ заявилъ: „пріѣхалъ де онъ къ великому государю для того, что въ Іерусалимѣ Гробъ Господень въ великомъ долгу, а оплатится нечимъ, и онъ де для искупленія Гроба Господня, для милостыни пріѣхалъ бить челомъ государю царю и великому князю Алексію Михайловичу всея Русіи“. Паисій вполне достигъ этой своей

¹³⁾ Греч. дѣла 7142 г. № 7; 7146 г. № 5 и 9.

¹⁴⁾ Греческія дѣла 7154 г. № 6 и 18.

цѣли: въ Москвѣ дѣйствительно дана была ему очень богатая милостыня. Когда онъ по пріѣздѣ представлялся государю, ему дано было: кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею въ 3 фунта и 64 золотника по 7 рублей фунтъ и того 25 рублей, 23 алтына; въ четырехъ мѣстахъ бархатовъ и камокъ по цѣнѣ въ нихъ 51 рубль, 26 алтынъ; два сорока-соболей 150 рублей; денегъ 200 рублей, всего патриарху дано было на 426 рублей съ половиною“. А такъ какъ вмѣстѣ съ патриархомъ одарена была и вся его свита, то всего дано было на пріѣздѣ патриарху и его свитѣ 787 р. 25 алтынъ, 2 деньги. Патриарху же дано было: „въ трехъ столехъ, какъ былъ у государя на великъ день и на его государевы и на царицны имянины на 274 рубли, на 3 алтына, на 5 денегъ, а вмѣстѣ съ даннымъ на пріѣздѣ 702 р. 3 алтына 5 денегъ; да ему жъ еще вмѣсто стола дано было 100 рублей. На „отъѣздѣ“ Паисію было дано государемъ на 427 р. 5 алтынъ, 2 деньги, опричь кубка, ковша и стакановъ, причемъ дьякъ Михайлъ Волошениновъ говорилъ патриарху отъ имени царя: „а яже о насиліи св. мѣстамъ отъ безбожныхъ турокъ содѣваемая, и сіе съ болѣзнію душа и сердца нашего слышимъ, но воли Божіей никтоже противитися можетъ, той-бо вѣсть, яже ко спасенію нашему устроить; обаче же непрестанно попеченіе о семъ имѣемъ, чтобы Господь Богъ свой праведный гнѣвъ отвратилъ и св. Гробъ о немъ же и святой градъ Іерусалимъ возвратилъ въ рудѣ благочестивыхъ царей, еже и уповаемъ на щедроты его, яко, по наказаніи, паки восхощетъ помиловати люди своя и очи наши возведетъ на первообразное. А нынѣ мы, великій государь, по вашему прошенію тебя, святѣйшаго патриарха Паисія, отпускаемъ въ святыи градъ Іерусалимъ. А мы, великій государь, васъ, отцевъ и богомольцевъ нашихъ, въ забвеніи не учинимъ и нашимъ царскимъ жалованьемъ — милостынею, ажь Богъ дастъ, впередъ не оставимъ“. Затѣмъ дьякъ объявилъ патриарху государевое жалованье: „на милостыню и на искупленіе святому животворящему Гробу Господню собольми на 4000 рублей, да на 100 р. горностаевъ“. Когда патриархъ былъ на прощанье у государя въ селѣ Покровскомъ, то ему еще дано было собо-

лами отъ государя на 300 р., отъ государыни на 300 р., да отъ царевнѣ на 400 рублей. А такъ какъ патріархъ просилъ у царицы и царевнѣ, чтобы они пожертвовали въ храмъ Воскресенія церковныя сосуды и святительскія одежды, то и это ему было дано, но цѣна не означена¹⁵⁾. Но милостыня патріарху въ Москвѣ шла не отъ одного только государя и царской семьи. Въ челобитной царю Паисій проситъ его: „аще будетъ произволеніе великаго вашего царствія, да повелите святѣйшимъ архіереомъ и святымъ монастыремъ и пресвѣтлымъ вельможамъ, да вспомнятъ ко св. Гробу, понеже великое ваше царствіе речеть и бысть“. Конечно русскіе іерархи, монастыри и вельможи охотно отозвались на призывъ Іерусалимскаго патріарха и давали отъ себя нескудную милостыню на искупленіе св. Гроба.

При посѣщеніи Москвы патріархъ Паисій, кромѣ полученія милостыни имѣлъ и другую цѣль. Проѣзжая чрезъ Малоросію Паисій видѣлся съ Хмельницкимъ, благословилъ его на рѣшительную борьбу съ поляками и въ тоже время убѣждалъ его принять подданство московскому царю. Хмельницкій согласился съ патріархомъ и Паисій отправился въ Москву въ качествѣ уполномоченнаго отъ гетмана и казачества просить московскаго царя принять казаковъ подъ свою высокую руку и немедленно оказать имъ военную помощь въ борьбѣ съ поляками. Прибывъ въ Москву Паисій въ этомъ смыслѣ и сдѣлалъ заявленіе русскому правительству, но получилъ въ отвѣтъ, что такъ какъ у царя съ Польшей заключенъ вѣчный миръ, „то его царскому величеству его государевыхъ ратныхъ людей на помощь войску запорожскому за вѣчнымъ окончанымъ дати и войска запорожскаго съ землями въ царскаго величества сторону приняти нельзя и вѣчнаго окончанья никакими мѣрами нарушить немочно“. Такимъ образомъ московское правительство еще нерѣшалось тогда изъ за казаковъ разорвать миръ съ Польшею, почему

¹⁵⁾ На наши современные деньги (принимая цѣнность тогдашняго рубля за 12 нынѣшнихъ) Паисій только отъ государя и царской семьи получилъ не менѣе 70,000 р. сер., а всего онъ вывезъ изъ Россіи милостыни болѣе чѣмъ на 100,000 руб. сер.

политическая миссія Паисія и потерпѣла въ Москвѣ полную неудачу, что однако неохладило участія Паисія къ дѣлу казаковъ, не поколебало его убѣжденія, что слѣдуетъ всячески заботиться о соединеніи Малороссіи съ великою Россією, объ образованіи изъ нихъ единаго могучаго русскаго царства, которое бы оказалось потомъ въ силахъ вступить въ борьбу съ турками и освободить изъ подъ ига ихъ православныя народы востока. Въ видахъ содѣйствовать слиянію Малороссіи съ Москвою, Паисій, поселившись, послѣ поѣздки въ Москву, въ Молдавію, послалъ отъ себя къ Хмельницкому и въ Москву назаретскаго митрополита Гавріила, что бы посредничать между гетманомъ и Москвою, въ видахъ привести ихъ къ скорѣйшему соглашенію. Съ этою цѣлію Гавріиль дѣйствительно былъ у гетмана и въ Москвѣ, стараясь уладить, устранить все, что могло вести къ недоразумѣніямъ или разрыву между Москвою и казаками. Какія спеціальныя побужденія руководили патріархомъ Паисіемъ въ его усиленныхъ соединить Москву съ казаками и какіе особенные виды онъ имѣлъ при этомъ, открывается изъ слѣдующаго заявленія Арсенія Суханова отъ 11 декабря 1649 года, которое онъ сдѣлалъ въ посольскомъ приказѣ отъ имени патріарха Паисія, нарочно посланшаго его въ Москву изъ Молдавіи: „а приказывалъ де съ нимъ іерусалимскій патріархъ словесно а велѣлъ извѣститъ государю: прежде де сего писалъ онъ къ государю, что турскій царь велѣлъ крымскому царю идти на Русь войною, а нынѣ де въ совѣтъ волоскій воевода Василій съ мутьянскимъ воеводою Матвѣемъ и съ запорожскими черкасы, и хотятъ на лѣто идти на Царь-городъ. И патріархъ велѣлъ о томъ государю объявити, чтобъ онъ, великій государь, велѣлъ съ своей царскаго величества стороны идти моремъ, хотя малыми людьми. И въ то время, слыша про то, пойдутъ подъ Царь-городъ сербы и гречане и волоской и мутьянской воеводы со всѣми людьми; а нынѣ де турскаго сила изнемогаетъ, потому что веницѣяне одоѣвають. А приказывалъ де онъ про то объявить, слышавъ подлинно. Говорятъ де всѣ христіане, чтобъ имъ то видѣть, чтобъ Царь-градомъ владѣти великому государю, царю, и великому князю Алексѣю Михайловичу, нежели нѣмцомъ“. Очевидно,

что у патриарха Паисія, по поводу неудач турокъ въ войнѣ съ венеціанами и успѣховъ Хмельницкаго въ борьбѣ съ поляками, возникъ планъ о всеобщемъ возстаніи покоренныхъ турками народностей противъ своихъ притѣснителей. Какъ видно, этотъ планъ патриархъ сообщилъ Хмельницкому и напелъ у него сочувствіе, такъ какъ Хмельницкому не чужда была мысль о борьбѣ съ невѣрными ради освобожденія православныхъ народовъ. Живя, по возвращеніи изъ Москвы, въ Молдавіи, Паисій успѣлъ склонить въ пользу своего плана господарей молдавскаго и валахскаго, стараясь тѣснѣе соединить ихъ съ Хмельницкимъ въ видахъ предполагавшейся борьбы съ турками. Но для успѣха всего предпріятія необходимо было участіе русскихъ, которое бы придало всему движенію поработенныхъ народностей единство, прочность и силу,—русскіе должны были составить ядро, вокругъ котораго сгруппировались бы всѣ другія мелкія народности, сами по себѣ слишкомъ разъединенныя, раздробленныя и потому безсильныя для борьбы съ своими угнетателями. Планъ былъ широко задуманъ, но, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, неисполнимъ, такъ какъ Москва вовсе недумала пускаться въ рискованную борьбу съ сильною еще тогда Турціею, опираясь лишь на сомнительную возможность поддержки со стороны покоренныхъ турками православныхъ народовъ; даже съ Польшею, какъ потомъ оказалось, ей трудно было справиться. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ русскіе не могли и думать о борьбѣ съ Турціею, въ видахъ освобожденія православныхъ народовъ, а потому политическіе планы патриарха Паисія и его расчеты на Московскаго царя съ этой стороны потерпѣли рѣшительную неудачу¹⁶⁾.

По смерти Паисія въ патриархи іерусалимскіе былъ избранъ Нектарій. Въ 1667 году съ посломъ Аванасіемъ Нестеровымъ государь послалъ Нектарію милостыню и грамоту, въ которой между прочимъ писалъ: „да мы же великій государь, наше царское величество, приказали посломъ нашимъ, будучи въ Царѣ-городѣ, приходитъ къ вашему святительству

¹⁶⁾ Греческія дѣла 7157 г. № 7 22. Греческіе статейные списки № 12, въ концѣ листы незанумерованы.

къ благословенію, и о нашихъ государскихъ дѣлахъ, о чемъ доведетца, вамъ докладывать, и вашему святительству о тѣхъ нашихъ царскаго величества дѣлахъ порадыти и мысль своя посломъ нашимъ подавати, а мы великій государь, наше царское величество, и впредь ваше святительство въ забвеніе полагати небудемъ“¹⁷⁾. Приглашая патриарха Нектарія оказывать помощь и содѣйствіе нашимъ турецкимъ посламъ, царь Алексѣй Михайловичъ въ тоже время не разъ приглашалъ Нектарія пріѣхать въ Москву по дѣлу патриарха Никова, въ которомъ Нектарій принялъ живое участіе, причемъ его правою рукою былъ его архидіаконъ Досіеѣй.

Такимъ образомъ еще за сто слишкомъ лѣтъ до вступленія Досіеѣя на патриаршую кафедру, іерусалимскіе патриархи, его предшественники, находились съ русскимъ правительствомъ въ постоянныхъ живыхъ сношеніяхъ. Сначала главная цѣль, какою руководились іерусалимскіе патриархи при ихъ сношеніяхъ съ московскими царями, заключалась единственно въ полученіи отъ нихъ милостыни на искупленіе св. мѣстъ, но современни Теофана іерусалимскіе патриархи знакомятся уже съ жизнью русской церкви и принимаютъ въ ней живое и дѣятельное участіе. Теофанъ освобождаетъ отъ заточенія и оправдываетъ книжнаго справщика архимандрита Діонисія, доказываетъ неправильность прибавки слова *и отемъ*, убѣждаетъ въ неправильности существовавшего у русскихъ обычая трикратнаго подаенія св. даровъ въ таинствѣ причащенія и, что главное, поставляетъ въ патриархи отца государя, Филарета Никитича, вслѣдствіе чего между нимъ и московскимъ правительствомъ являются особенно близкія отношенія. Теофанъ былъ и первымъ изъ іерусалимскихъ патриарховъ старавшимся по мѣрѣ своихъ силъ служить политическимъ интересамъ Россіи, а его преемникъ Паисій энергично хлопоталъ объ увеличеніи политическаго могущества Россіи, чтобы съ ея помощію освободить православные народы востока отъ турецкаго ига. Патриархъ Нектарій приглашался нашимъ правительствомъ оказывать содѣйствіе и помощь нашимъ посламъ въ Турціи, не разъ настойчиво приглашался прави-

¹⁷⁾ Турецкіе статейные списки № 9, л. 23—25.

тельствомъ прибыть въ Москву, чтобы принять дѣятельное участіе въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ, и если ему непришлось побывать въ Москвѣ, то своими грамотами онъ всѣчески старался помирить царя съ Никономъ и снова возвратить послѣдняго на патриаршій престолъ.—Близкія постоянныя сношенія съ русскимъ правительствомъ у іерусалимскихъ патриарховъ были, слѣдовательно, старинныя, традиціонныя, почему нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ обстоятельствѣ, что Досиѳей, бывшій близкимъ человѣкомъ Паисію и правою рукою Нектарія, воспитанный ими въ томъ представленіи о Россіи, что она есть единственная надежная опора и защита гонимаго на востокъ православія, сдѣлавшись патриархомъ, не только продолжилъ дѣло своихъ предшественниковъ—вѣрно служить Россіи и ея интересамъ, но благодаря своимъ личнымъ качествамъ и особенностямъ, повелъ это дѣло гораздо энергичнѣе, шире и беззавѣтнѣе, нежели его предшественники.

Досиѳей принадлежатъ къ числу выдающихся восточныхъ іерарховъ XVII столѣтія по своей горячей ревности о православіи, по своей незаурядной учености, по своей самой широкой и разнообразной дѣятельности, охватывавшей собою чуть не весь тогдашній православный міръ. Это былъ патриархъ весь преисполненный самыми высокими представленіями о призваніи и обязанностяхъ какъ всѣхъ патриарховъ вообще, такъ о призваніи и обязанностяхъ патриарховъ іерусалимскихъ въ особенности. Въ грамотѣ къ государю Петру отъ 20 іюня 1698 года Досиѳей пишетъ: „дѣло святѣйшихъ патриарховъ есть первое имѣти попеченіе о всѣхъ церквахъ, аще бо и раби есми судьбами, ихъ же вѣсть вседержитель Богъ, но пещися намъ о святыхъ Божіихъ церквахъ по силѣ ничто не возбраняетъ, якоже не возбранено было и блаженному Павлу во идолослужительскихъ царствахъ пещися и труждатися о избранныхъ, а наипаче всѣ святые жителси во времена нечестивѣйшихъ царей насадиша въ мірѣ церковъ Божію,—сіе убо и патриарховъ есть преизрядное дѣло“¹⁸⁾. Ту же самую мысль объ обязанности патриарховъ пещись о

¹⁸⁾ Приложенія № 3.

всѣхъ церквахъ Досиѳей высказывалъ и ранѣе, именно: въ грамотѣ къ патриарху Іоакиму въ 1686 году. Мы (патриархи), пишетъ онъ, господственная часть суще соборныя церкви, говоримъ о соборной церкви на всякомъ мѣстѣ и во всемъ мірѣ. И къ тѣмъ, иже вину предлагаютъ, ради хотѣній своихъ глаголють: какое дѣло имъ есть до чужихъ епархій? возвѣщаемъ Господское слово: вы есте, рече, оправдающіи себе, Богъ же знаетъ сердца ваша. И апостоль глаголаше къ Ефессіаномъ, яко чистъ есмь отъ кровій всѣхъ, не бо посланъ есмь, да невозвѣщу вамъ весь совѣтъ Божій и прочая¹⁹⁾. Заботы патриарховъ о всей вселенской церкви должны простираться не на одни только предметы великіе и важныя, а безразлично на все, какъ великое, такъ и самое малое. „Патриаршая глава, пишетъ Досиѳей п. Адриану въ 1691 году, есть много чесна и повсюду подобаетъ предумышляти, и неподобаетъ глаголати кому, яко сіе есть малое погрѣшеніе—и не припинаетъ“²⁰⁾.

Если „дѣло святыхъ патриарховъ есть имѣти попеченіе о всѣхъ церквахъ“, такъ какъ они „господственная часть суще соборныя церкви“, почему имѣютъ право „говорить о соборной церкви на всякомъ мѣстѣ и во всемъ мірѣ“, то по преимуществу это слѣдуетъ сказать, по мнѣнію Досиѳея, о патриархахъ іерусалимскихъ, на которыхъ особыми обстоятельствами возложенъ преимущественный предъ другими патриархами долгъ имѣти попеченіе о всѣхъ церквахъ. Въ своей „исторіи патриарховъ іерусалимскихъ“ Досиѳей заявляетъ, что іерусалимскіе патриархи ради тяжелыхъ постоянныхъ долговъ, лежащихъ на ихъ патриархіи, принуждены бываютъ на долго отставлять Іерусалимъ для сбора милостыни въ другихъ странахъ, вслѣдствіе чего они не могутъ пещись какъ слѣдуетъ о подчиненныхъ имъ православныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые дѣлаются даже отступниками. Но за то промыслъ Божій, говоритъ Досиѳей, „въ замѣну отторженныхъ и обольщенныхъ (иновѣрцами) въ Палестинѣ, безчисленное множество народовъ и городовъ утверждаетъ въ православной вѣрѣ

¹⁹⁾ Арх. юго-зап. Рсс. т. V, стр. 146.

²⁰⁾ Рукоп. сборникъ СПб. синод. библ. № 473—„Икона“, л. 151.

черезъ путешествія патріарховъ іерусалимскихъ. Ибо гдѣ они не бывають, первое ихъ занятіе — проповѣдь евангельская безъ всякаго своекорыстія, наученіе христіанъ благимъ правамъ, утвержденіе ихъ въ православіи, обличеніе еретиковъ и вообще трудъ ихъ—общее благо православной церкви“. — Разказовъ о смерти патріарха Паисія, при которой онъ присутствовалъ, и о своемъ прибытіи въ Константинополь съ вѣстью объ этомъ, Досиѳей говоритъ далѣе, что въ Константинополь, „когда увѣрились въ смерти знаменитаго старца (т. е. п. Паисія), воевода Василій, случившійся въ то время въ Константинополь (ибо сынъ его Стефанъ было тогда властителемъ Валахія) съ патріархомъ Пареніемъ и переводчикомъ Панагіотаконъ, съ синодомъ, съ вельможами и старцами константинопольскими, съ архіереями, какіе были тогда тамъ, и съ прочими уважаемыми отцами св. Гроба, начали разуждать о томъ, чтобы избрать въ патріарха іерусалимскаго чело-вѣка рачительнаго и опытнаго въ дѣлахъ гражданскихъ, потому что патріархи іерусалимскіе путешествуютъ по многимъ мѣстамъ, посѣщаютъ города и народы, царства и области, и многіе ихъ спрашиваютъ о различныхъ предметахъ вѣры; а посему имъ должно быть и опытными въ писаніи, что бы давать отвѣты вопрошающимъ, а также—и проповѣдниками слова Божія. Сверхъ того, что совершенно и необходимо, родомъ они должны быть изъ области іерусалимской, такъ какъ тамъ доселѣ сохраняется не нарушимо все каноническое и церковное право, и содержится древній чинъ и обычай православной церкви, какъ нѣкій неизмѣняемый образецъ“²¹⁾.

Такимъ образомъ „проповѣдь евангельская, наученіе христіанъ благимъ нравамъ, утвержденіе ихъ въ православіи, обличеніе еретиковъ и вообще трудъ для общаго блага православной церкви“, составляетъ, по мнѣнію Досиѳея, преимущественное призваніе патріарховъ іерусалимскихъ, они по преимуществу призваны быть стражами православія повсюду, борцами съ иновѣріемъ, учителями и наставниками всѣхъ

21) Кн. 12, глава 1, [парагр. 2, и гл. 4, пар. 1 „Исторія патріарховъ іерусалимскихъ“ Досиѳея, переведенная на русскій языкъ, находится въ рукописи въ бібліотекѣ Московской духовной академіи.

православныхъ, ревностными охранителями во всемъ православномъ мірѣ древнихъ церковныхъ чиновъ и обычаевъ, такъ какъ въ іерусалимской церкви по преимуществу доселѣ сохраняется не нарушимо все каноническое и церковное право и содержится древній чинъ и обычай православной церкви, какъ неизмѣняемый образецъ. Понятно само собою, что на себя Досиѳей смотрѣлъ именно какъ на призваннаго выполнить и осуществить въ полномъ объемѣ особое высокое призваніе патріарховъ іерусалимскихъ. И нужно сознаться, что онъ дѣйствительно болѣе другихъ былъ способенъ осуществить призваніе патріарховъ—„имѣть попеченіе о всѣхъ церк-вахъ“²²⁾.

По своему характеру Досиѳей былъ чело-вѣкъ въ высшей степени живой, подвижной, впечатлительный, на все отзывчивый, энергичный и необыкновенно дѣятельный, способный на неустанную работу, чтобы достигнуть намѣченной цѣли, способный съ увлеченіемъ и всецѣло отдаться разъ излюбленному дѣлу, готовый всячески отстаивать, защищать то, что онъ считалъ правымъ или полезнымъ для православія. Онъ лично изучилъ почти весь тогдашній православный востокъ, такъ какъ еще въ качествѣ спутника своихъ предшественниковъ, патріарховъ Паисія и Нектарія, посѣтилъ большую часть православныхъ странъ востока. Сдѣлавшись патріархомъ онъ мало бывалъ въ Іерусалимѣ, а послѣдніе восемнадцать лѣтъ небылъ въ немъ даже ниразу; онъ постоянно переходилъ съ мѣста на мѣсто, проживая то въ Константинополь, то въ Адрианополь, то въ Молдавіи и Валахія, то путешествуя, ради сбора милостыни, изъ одной страны въ другую, благодаря чему онъ прекрасно зналъ положеніе разныхъ православныхъ церквей, ихъ мѣстныя нужды и потребности, грозившія гдѣ либо православію бѣды и опасности. Въ тоже время, среди своихъ современниковъ, Доси-

22) О п. Досиѳеѣ въ нашей литературѣ намъ извѣстна только статья И. Матченко (Душеп. Чтен. 1877 г. кн. 3, 1878 г. кн. 1 и 2) „Досиѳей патріархъ іерусалимскій и его время“, изъ которой желающіе могутъ въ общихъ чертахъ познакомиться съ дѣятельностію Досиѳея на востокѣ вообще.

ей был выдающийся ученый, обладавший основательными и обширными знаниями в св. Писании, в церковной истории, в области церковного права; он хорошо знал и изучил греческих церковных писателей, сочинения которых, особенно полемическія, тщательно собиралъ, чтобы потомъ напечатать ихъ. Какъ ученый онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько сочиненій, которыя хотя неотличаются тщательностію обработки матеріала и научною самостоятельностью, за то поражаютъ громадною начитанностію автора, разнообразіемъ и обширностію его познаній, его удивительнымъ ученымъ трудолюбіемъ и своею особою цѣлю. Ученыя работы, цѣля громадныя книги пишетъ Досиеей не въ видахъ открыть отвлеченную научную истину, а съ исключительною цѣлю выяснить и доказать истину православія, неправоту и заблужденія его враговъ т. е. онъ работаетъ исключительно съ практической цѣлю — доставить торжество православію надъ всѣми его противниками, почему даже самыя его историческія сочиненія (какъ напримѣръ исторія патріарховъ іерусалимскихъ) носятъ повсюду довольно Ярскій полемическій характеръ. Ревность о сохраненіи и поддержаніи православія, которому отовсюду грозятъ опасности, не столько даже отъ парабителей православныхъ народовъ турокъ, сколько отъ западнаго иновѣрія особенно католиковъ, постоянно наполняла собою всего Досиеей, проникала собою всю его дѣятельность и заставляла его зорко слѣдить за всѣмъ что дѣлается въ православномъ мірѣ, что творится въ самыхъ отдаленныхъ его уголкахъ. Онъ хотѣлъ видѣть православіе всюду торжествующимъ, всюду Побѣждающимъ своихъ враговъ, въ силу присущей ему внутренней правоты и истинности, хотѣлъ видѣть его твердо, неизбѣжно повсюду стоящимъ на своихъ вѣковѣчныхъ неизмѣнныхъ основахъ, недопускающихъ въ себя нисколько перемѣнъ, какихъ бы то ни было отступленій отъ разъ установленнаго и заповѣданнаго св. отцами. Въ этой неизмѣнности, постоянной вѣрности разъ установленнымъ вселенскою церковію правиламъ, обычаямъ и чинамъ, въ недопущеніи въ нихъ хотя бы малѣйшихъ перемѣнъ Досиеей видѣлъ самое существенное и главное отличіе православія отъ измѣнчиваго, склоннаго къ перемѣнамъ и новше-

ствамъ западнаго иновѣрія, кичащагося своими внѣшними знаниями, внѣшнею мудростію, но забывшаго, что мудрость міра сего буйство есть у Бога. Православный востокъ долженъ жить, по мнѣнію Досиеей, исключительно своею собственною жизнію, которая строится на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ жизнь иновѣрнаго запада, онъ долженъ былъ быть всегда далекимъ отъ тлетворныхъ западныхъ вліяній и вѣяній, которыя всегда будутъ дѣйствовать на него только разрушительно, почему полное разобщеніе съ иновѣрнымъ западомъ должно быть для православныхъ обязательнымъ закономъ. — Такъ думалъ, такъ всегда и дѣйствовалъ повсюду Досиеей — этотъ вѣрный стражъ и охранитель православія, всегда готовый словомъ и дѣломъ поддерживать бѣдствующихъ и угнетаемыхъ православныхъ братій своихъ, воодушевить ослабѣвающихъ изъ нихъ, такъ или иначе помочь борющимся съ иновѣрцами, всегда готовый преподавать всѣмъ нужное пастырское наставленіе и наученіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ обличить и вразумить заблуждающихся въ чемъ либо, или уклоняющихся отъ церковныхъ правилъ и обычаевъ, малѣйшее отступленіе отъ которыхъ было всегда ему особенно ненавистно и всегда вызывало съ его стороны иногда суровыя и рѣзкія обличенія. Чуть не каждая православная помѣстная церковъ испытала на себѣ заботы Досиеей объ ея благосостояніи и процвѣтаніи, или объ огражденіи ея отъ иновѣрныхъ козней и притѣсненій. Сильное смущеніе на всемъ православномъ востокѣ производило изданіе сочиненія „Восточное исповѣданіе православныя вѣры“, наполненное кальвинистическими воззрѣніями и приписываемое знаменитому константинопольскому патріарху Кириллу Лукарису. Оно было уже двукратно рассмотрѣно на соборахъ: константинопольскомъ въ 1642 г. и яскомъ въ 1643 году, которые осудили еретическое „Исповѣданіе“ и въ то же время рассмотрѣли и одобрили „Исповѣданіе“ Петра могилы, что однако не прекратило волненій на востокѣ изъ за катихизиса Лукариса. Въ виду этого Досиеей въ 1672 году собралъ соборъ въ Іерусалимѣ, на которомъ снова осудилъ Катихизисъ Лукариса и снова, въ видахъ дать православнымъ твердое и надежное руководство въ ученіи вѣры, рассмотрѣлъ и соборно одоб-

риль Катихизисъ Петра Могилы, который, послѣ его изданія на греческомъ языкѣ, былъ присланъ имъ въ Москву, гдѣ его и перевели на русскій языкъ. — Одна изъ главныхъ причинъ различныхъ нестроений въ константинопольской церкви заключалась въ постоянной смѣнѣ патриарховъ, изъ которыхъ нѣкоторые занимали иногда патриаршій престолъ въ теченіи даже только нѣсколькихъ дней. И на это обстоятельство, столь губительно отражавшееся на всей церковной жизни большей части православнаго востока, обращаетъ свое вниманіе ревностный Досиѳей и старается уврачевать зло. Въ 1692 году онъ обращается съ русскому правительству съ просьбою, чтобы оно, при заключеніи мира съ туркамъ, внесло въ мирный договоръ и такую статью, по которой бы за константинопольскими патриархами признано было право пожизненной несмѣняемости, чтобы новаго патриарха избирали соборомъ только послѣ смерти его предшественника (исключая, конечно, случаевъ низложенія патриарховъ за преступленія)²³⁾. Въ Трансильваніи Досиѳей хлопочетъ удержать румынъ отъ уніи и преподаетъ рядъ церковныхъ наставленій новопоставленному трансильванскому митрополиту Аѳанасію²⁴⁾. Грузія, которую Досиѳей посѣтилъ не одинъ разъ, была предметомъ его живыхъ постоянныхъ заботъ. Онъ заботится о церковномъ благоустройствѣ Грузіи, старается предостеречь ея отъ враговъ православія, возстановить Иверскіе монастыри, пришедшіе въ запустѣніе²⁵⁾. Въ 1678 году Досиѳей пишетъ особое посланіе къ членамъ южнорусской церкви, въ которомъ убѣждаетъ ихъ твердо держаться православія, бѣгать мірской и суетной мудрости и еретиковъ, съ терпѣн-

²³⁾ Греческія дѣла 7201 г. № 4.

²⁴⁾ Очеркъ исторіи прав. церкви болгарской сербской и пр. Е. Голубинскаго, кн. 1, стр. 227.

²⁵⁾ Послан. Досиѳея въ Грузію (труды кiev. духовн. Академіи 1866 г. февраль) О своихъ путешествіяхъ по Иверіи въ качествѣ спутника п. Памисія и о своемъ вторичномъ путешествіи по Иверіи уже въ санѣ патриарха Досиѳей подробно рассказываетъ въ своей „исторіи патриарховъ іерусалимскихъ“; кн. XII, гл. 2, пар. 11—14, гл. 9, пар. 1—5 и гл. II, пар. 3.

емъ переносить гоненія и напасти и т. под.²⁶⁾. Въ 1700 году Досиѳей обращается къ гетману Мазепѣ съ такою просьбою: „просимъ тебя попечись сколько можешь и постарайся за православныхъ, которые въ Польшѣ весьма великіе нападки терпятъ отъ поляковъ“²⁷⁾. Въ 1706 году Досиѳей проситъ государя, что бы онъ при заключеніи мира съ поляками, позаботился poradѣть „о мирѣ и въ православной вѣрѣ безмятежи обрѣтающихся православныхъ во всей Польшѣ“, а ранѣе указывалъ государю на притѣсненія, какія терпятъ православные сербы отъ католиковъ въ Венгріи²⁸⁾.

Если всѣ православные народы востока составляли предметъ постоянныхъ заботъ и попеченій Досиѳея, заставляли его зорко слѣдить за всѣмъ, что у нихъ дѣлается, особенно въ сферѣ церковной, вызвали съ его стороны дѣятельное участіе въ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ событіяхъ, то Россія и вся ея жизнь привлекала къ себѣ особенное вниманіе Досиѳея, занимала въ его представленіи исключительное положеніе и вызывала къ себѣ съ его стороны особыя отношенія. Это потому что Россія была для него тою именно страной, на которой почтили самыя дорогія и завѣтныя его надежды на освобожденіе православныхъ народовъ отъ турецкаго ига, на возстановленіе дорогаго ему царства благочестивыхъ греческихъ императоровъ, на торжество и побѣду православія надъ тѣснившимъ и угнетавшимъ его западнымъ иновѣріемъ. Православныхъ всюду окружаютъ одни враги и недоброжелатели, которые только и думаютъ о томъ, какъ бы уничтожить, поглотить ихъ: гнетутъ ихъ турки, еще хуже съ ними поступаютъ ихъ мнимые освободители—западные иновѣрные государи, которые православныхъ, ищущихъ у нихъ убѣжища отъ турецкихъ притѣсненій, постоянно всѣми средствами стремятся обратить въ унію; въ послѣднее время западные государи, пользуясь своимъ вліяніемъ и силою при турецкомъ правительствѣ, даже отняли у православныхъ грековъ ихъ исконныя владѣнія—святыя мѣста въ Іерусалимѣ.

²⁶⁾ Архивъ Юго-запад. Рос V, II.

²⁷⁾ Греческія дѣла 1700 г. № 1.

²⁸⁾ Греческія дѣла 7206 г. № 31 и 1706 г. № 1.

Чего же могутъ ждать отъ западныхъ государей православные народы, если бы тѣмъ дѣйствительно и удалось освободить ихъ отъ турецкаго ига? Развѣ только еще тягчайшаго ига—духовнаго порабощенія, которое поведетъ за собою въ концѣ потерю православія. Только одна Россія можетъ быть, по мнѣнію Досиеея единственною освободительницею православныхъ народовъ отъ турецкаго ига, твердою опорою и вѣрною защитою всего вселенскаго православія, прочнымъ непреоборимымъ оплотомъ для него противъ всѣхъ покушеній иновѣрцевъ, только одинъ русскій царь есть истинный защитникъ и покровитель всѣхъ православныхъ, такъ какъ онъ есть прямой законный преемникъ и наслѣдникъ благочестивыхъ греческихъ императоровъ, преемникъ и продолжатель ихъ великаго и святаго призванія—служить опорою и защитою всему вселенскому православію.

Тѣ высокія представленія о благочестивыхъ греческихъ царяхъ, защитникахъ и поборникахъ всего вселенскаго православія, царяхъ и вмѣстѣ архіереяхъ, интересы вѣры и церкви ставившихъ иногда выше интересовъ гражданскихъ, эти представленія сдѣлавшіяся особенно дорогими и завѣтными для всѣхъ грековъ послѣ покоренія ихъ турками, не только вполне раздѣлялись Досиеемъ, но, подновленные въ его представленіи образами библейскихъ благочестивыхъ царей, всецѣло перенесены были имъ на русскаго царя, единаго теперь православнаго царя во всемъ мірѣ.

Въ грамотѣ къ царю Алексѣю Михайловичу въ 1669 году Досиеей называется его „государемъ страшнѣйшимъ и грознымъ для околныхъ и иныхъ царствъ и варварскихъ языковъ, и единою всѣхъ православныхъ похвалою и утѣшеніемъ и славою вѣчною“, заявляетъ: „когда слышимъ о мирѣ вашемъ, котораго васъ сподобилъ Богъ, и какъ у васъ неподвижно доселѣ соблюдается Богомъ дарованная вамъ вѣра Христова, упокоеніе нѣкоторое приедемъ и сердцемъ нашимъ воздаемъ Богу благодареніе и съ вами получаемъ радость какъ бы въ единомъ тѣлѣ“. Затѣмъ приглашая царя оказать помощь святому гробу, онъ говоритъ: „кому же иному подобаетъ пособить и poradъть о гробѣ царя царствующихъ, кромѣ христіанскаго царя, какое есть святое

твое царствіе, благодатію Божіею перворожденный и едиnorodный всѣхъ православныхъ христіанъ, похвала и утѣшеніе, свѣтъ и отдыханіе, не только царь прекрасный, но и многими дѣлами украшенный паче діадимы, большую похвалу имѣя крестомъ, нежели скиптромъ, отецъ сиротамъ и предстатель всюду божественнымъ церквамъ“²⁹⁾. Въ 1686 году Досиеей пишетъ царямъ: „великое дѣло предъ Богомъ любовь, ибо въ ней исполняются всѣ законы и величайшее, мнится намъ, есть благо любить ваше святое державное царство, ибо оно есть единое православное и единое истинное царство... Ваша держава есть истинное царство благочестивѣйшее, самодержавнѣйшее и святѣйшее, и единое во вселенной православное и живущее по Христу. Справедливо бы сказалъ мужъ мудрый, если бы назвалъ превысокій домъ вашего царствія жилищемъ пустынниковъ, или селеніемъ преподобныхъ, или утѣшеніемъ святыхъ, или домомъ Іаковля и мѣстомъ гдѣ опочиваетъ едиnorodный Сынъ Божій и всѣхъ праведныхъ миръ бываетъ ему собесѣдникъ, ибо отъ прародителей царей удостоились произойти, и праотцемъ имѣете великаго священника, блаженнаго и приснопамятнаго Филарета, при возшествіи коего на престолъ патриаршій дѣйствовалъ и нашъ святаго града патриархъ Киръ Теофанъ. Итакъ вы паче всѣхъ царей достоинства Христова свойства: ибо Онъ по плоти происходилъ отъ царей и патриарховъ, и вы также не только цари искренніи, но и архіереи о церкви пекущіися, какъ сказано въ Апокалипсисѣ: „яко будете священницы и цари“³⁰⁾. Въ другой грамотѣ къ царямъ въ 1692 году Досиеей говоритъ: „цари послѣ Бога суть главы и отмитители всѣхъ православныхъ“³¹⁾. Въ 1698 году Досиеей пишетъ государю Петру: „въ нынѣшнее время ваше богохранимое царство не только есть глава всѣхъ христіанъ, но и единая христіанская глава, поелику нѣтъ на землѣ

²⁹⁾ Греческія дѣла 7178 г. № 6. Гиббенета: Истор. изслѣд. дѣла п. Никона, т. II, стр. 1117.

³⁰⁾ Греческія дѣла 7195 г. № 3. Архивъ юго-западной Россіи т. V, стр. 147—149.

³¹⁾ Греческія дѣла 7201 г. № 4.

инога царя православнаго, какъ ты единъ, о блистательный цвѣтъ и пресвѣтлая похвала апостольской церкви, честь и вѣнецъ отъ всѣхъ православныхъ похваляемый и ублажаемый, отъ всѣхъ еретиковъ и иновѣрцевъ завидуемый и навѣтуемый, однако не побѣждаемый, но всѣхъ побѣждающій и знаменуемый благодатию Спасителя нашего Бога! Молимся мы день и ночь, или, по слову пророка, вечеръ и утро и полдень о здравіи и спасеніи твоёмъ и о побѣдѣ надъ врагами возвеличенной Богомъ державы вашей, ожидая избавленія роду нашему отъ обдерживающаго его тиранства и освобожденія пречестныхъ святыхъ мѣстъ отъ не христіаннѣйшихъ французовъ“³²⁾.

На русскомъ царѣ, какъ единомъ теперь представителѣ главѣ и поборникѣ всего вселенскаго православія, лежатъ, по представленію Досиеея, и особыя обязанности. „Святые и Богомъ вѣнчаные цари, пишетъ въ 1692 году Досиеей государямъ. имѣютъ обязанность явиться общими благодѣтелями и наипаче оборонителями православныхъ, отмстителями за сущихъ въ православной вѣрѣ и, просто сказать, помощниками и обновителями христіанства и православія“³³⁾. Въ 1694 году Досиеей пишетъ царямъ: „какъ патріаршаго такъ и царскаго достоинства обязанность состоитъ въ томъ, чтобы имѣть попеченіе о всѣхъ церквахъ, ибо неимѣетъ православныхъ родъ, кромѣ васъ, превеликихъ и равноапостольныхъ, инога воеводы и блюстителя въ православіи“³⁴⁾. Въ грамотѣ къ патріарху Адріану въ 1696 году Досиеей пишетъ: „православный самодержецъ защитникъ зовется и содержитель православныя вѣры не въ ничѣсомъ, но во всемъ добрѣ отъ св. отецъ опредѣленномъ, недопуская ни единого новоразсѣцати и новоуставляти, ниже въ малѣйшемъ чемъ“³⁵⁾. Въ грамотѣ къ дьяку Полянскому въ 1702 году Досиеей пишетъ: „благочестивѣйшій царь первый стражъ и защититель святыхъ вѣры и изящная глава католическія церкви

очистить гумно свое, преданное и вѣренное божественности его отъ всевышняго Бога и солону т. е. новоизобрѣтателей и лицемѣровъ сожжетъ неугасаемымъ огнемъ, погубляя ихъ всячески, пшеницу же святыхъ вѣры сохранить, какъ пріять необновляемую и непоколебимую“³⁶⁾. Въ 1700 году умоляя царя всячески стараться объ освобожденіи св. мѣстъ, Досиеей пишетъ: „сіе есть долгъ вашъ благочестивѣйшій и Богомъ наученный государь; ибо нетокмо ты самодержецъ единый и православный, но искренній и законный наслѣдникъ православныхъ самодержцевъ, которые обрѣли Господній гробъ, мѣсто лобное, и въ Виелеемѣ св. Рождества пещеру, и честный крестъ и явили міру, создали надъ нимъ прекрасные храмы, украсили ихъ священною утварью и доходами многими, и избавляли ихъ отъ персовъ и араплянъ многократно и отъ самихъ папезниковъ, доколѣ стояло царство ихъ; нынѣ же, поелику предопрѣдѣлил Богъ единой главѣ и началу и мстителемъ и хранителемъ православныхъ и православныя вѣры быть тебѣ, вседобродѣтельному и почитаемому и пресвѣтлому государю, — приложи къ дѣламъ прародителей своихъ попеченіе о св. гробѣ, которыхъ (прародителей) ты наслѣдникъ и дѣломъ и именемъ, а наипаче, ибо имѣешь помогающую тебѣ, по благословенію Божію, власть съ хотѣніемъ и силу, и слово самодержавной твоей власти бываетъ тотчасъ дѣломъ“³⁷⁾.

Русскій государь, какъ царь и вмѣстѣ архіерей, долженъ ревностно заботиться и о всѣхъ дѣлахъ русской церкви, строго сообразуясь въ этомъ случаѣ съ существующими церковными правилами и постановленіями. Царь долженъ постоянно заботиться, чтобы православіе на Руси хранилось во всемъ ненарушимо, безъ всякихъ перемѣнъ и уклоненій, чтобы въ церковной жизни недопускались никакія нововведенія. Въ 1705 году Досиеей пишетъ государю, чтобы онъ повелѣлъ „святѣйшему патріарху, его же будетъ предводити Божія благодать, что отнынѣ же упокойся о Господѣ бла-

³²⁾ Приложенія № 3.

³³⁾ Греческія дѣла 7201 г. № 4.

³⁴⁾ *ibid.* 7201 г. № 38.

³⁵⁾ Приложенія № 20.

³⁶⁾ Греческія дѣла 1702 г. № 1.

³⁷⁾ Приложенія № 7.

женнѣйшій и приснопамятный самодержецъ Государь Алексѣй Михайловичъ, пржезлаемый отецъ высокаго и великаго твоего царствія, елика новооставишася въ церкви, якоже важная и оныя комидіи (шествіе патріарха на ослати въ Вербное воскресеніе), которыя составлены отъ нѣкоторыхъ въ праздники, игры папезскія изъ сердца дьявольскаго произведенныя, или что иное причинилося, хотя велико, хотя не велико, дабы имѣлъ власть и указъ святѣйшій патріархъ истребить тоя изъ церкви. и токмо бы оставилъ оная, яже бѣша древняя и отечественная ³⁸⁾“. Всѣ встрѣчающіеся въ русской церковной жизни важные вопросы и недоумѣнія царь долженъ рѣшать не голосомъ одной только русской церкви, но общемою мыслию всей православной церкви, такъ какъ только въ тѣсномъ единеніи русской церкви съ восточною вселенскою, заключается прочная гарантія, что русская церковь непогрѣшится и такъ какъ только при этомъ условіи сохранится между всѣми православными церквами “ союзъ любви, единеніе въ духѣ мира“, а „достоинство апостольской каеолической вѣры не останется нетолько неумаленнымъ, но и обновленнымъ и непоколебимымъ“. Именно отъ недостатка единенія съ восточными патріархами и произошло, по мнѣнію Досиоея, въ русской церкви, послѣ паденія Константинополя, нарушеніе церковныхъ нравовъ, что потомъ и было исправлено единомыслиемъ восточныхъ патріарховъ чрезъ учрежденіе патріаршества на Руси ³⁹⁾ Въ виду этого въ грамотѣ государю по поводу разрѣшенія Никона Досиоей пишетъ: „радуемся зѣло, что ваше державство церковію дѣйствуетъ церковное, и просимъ съ духовнымъ совершеннѣйшемъ державеніемъ, что бы и впредь всякое дѣло церковное недѣйствовать помимо мысли церкви: если будетъ дѣло малое, то дѣйствовать соборною мыслию тамошней (т. е. русской) церкви, если же великое, то мыслию всѣхъ архіереевъ восточныхъ, чтобы всѣмъ церковнымъ дѣламъ быть безъ обновленія, безъ измѣненія и непоколебимо Порадѣй какъ Константинъ, Θεодосій и Юстиніанъ, наипаче же какъ дѣйствовали

³⁸⁾ Приложение № 11.

³⁹⁾ Архивъ Юго-западн. Россіи V, 149.

отецъ вашъ, приснопамятный царь Алексѣй. Нигдѣ, во всемъ твоёмъ царствѣ, да не позволишь быть никакому обновленію противъ православной вѣры и напотивоглаголющихъ отомсти ⁴⁰⁾“. Въ грамотѣ къ царямъ въ 1686 г. Досиоей пишетъ: „на Москвѣ священный соборъ, если что покажется ему сомнительнымъ, дабы и тамошняя церковь соборная сохранилась чистою и безъ всякихъ погрѣшностей, какъ непорочная Христова невѣста, долженъ доносить высшимъ церквамъ и сущимъ въ нихъ патріархамъ, и отъ нихъ принимать наставленіе и толкованіе, чтобы тѣмъ сохранился бы союзъ любви и соединеніе духа мира и достоинство апостольской каеолической вѣры не умаленнымъ, но обновленнымъ и непоколебимымъ ⁴¹⁾“. Въ грамотѣ къ государю въ 1705 году Досиоей пишетъ, чтобы государь твердо повелѣлъ, „зане если случится какое взысканіе церковное, да не будетъ рѣшеніе въ тамошнихъ странахъ, чтобы не причинилися пренія. сумнительства и главолубія царей, но дабы писана была грамота къ четыремъ святѣйшимъ патріархамъ и потомъ да взыскуется рѣшеніе. Сіе, всеблагій государь, посвящаетъ Досиоей, нѣсть новое и новооставленное, но древнее и отечественное, потому что тако творили блаженные и приснопамятные отцы и праотцы святаго твоего царствія, а наипаче сотвори приснопамятный и преблаженный отецъ великаго твоего царствія, тако бысть согласіе и уставленіе, егда хиротонисанъ первый патріархъ на Москвѣ, тако обѣщался божественный праотецъ великаго твоего царствія предъ приснопамятнымъ самодержцемъ Михайлъ Θεодоровичъ и предъ покойнымъ патріархомъ іерусалимскимъ господинѣ Θεофанѣ въ лѣто 1619 іюня 18, и буде изволитъ великое твое царствіе, да посмотритъ преданная печати“ ⁴²⁾.

Сообразно съ тѣмъ высокимъ представленіемъ о призваніи и обязанностяхъ русскаго царя, какое составилъ себѣ Досиоей, онъ желаетъ, чтобы русскій царь и по своимъ личнымъ

⁴⁰⁾ Собр. госуд. грам. и догов. IV, 419—420.

⁴¹⁾ Арх. Юго-западн. Россіи V, 156.

⁴²⁾ Приложения № 11.

качествамъ, образу жизни, характеру своего правленія и по всей своей вообще дѣятельности вполне стоялъ на высотѣ своего великаго и святаго призванія, вполне соответствовалъ и въ дѣйствительности тому идеалу благочестиваго православнаго царя, какой предносился уму Досиѳея, воспитанному на библейско-византійскихъ воззрѣнїяхъ. Какимъ Досиѳею желалъ видѣть русскаго царя, это особенно ясно видно изъ его грамоты къ царю Θεодору Алексѣевичу отъ 27 іюля 1679 года. „Подобаеть благочестію твоему, пишетъ Досиѳей Θεодору, воздать Богу благодареніе, сподобившему тебя возсѣсть на отеческомъ престолѣ, соблюдая сперва: да останутся нерушимо всѣ дѣла церковныя и вѣры, не уклоняясь ни къ десной сторонѣ подъ предлогомъ большаго благочестія, ни къ шуйей, но царскимъ ходя путемъ по слову (апостола) и сохраняя крѣпко въ малыхъ и большихъ вещахъ велѣніе, еже положиша отцы твои. Просящихъ церковныхъ о составленіи церквей, добромъ утѣши, а соблазняющихъ или церковныя вещи себѣ присвоющихъ, по мірски отомсти; и царь есть и болѣе архіерей или по человѣчески мѣсто исполняя яко Константинъ, оба Θεодосія, Юстиніанъ, Левъ и прочіи,—се бо тебѣ вѣнецъ хвалы въ день Господень. Да сохранишь себя неприкосновеннымъ отъ мірскихъ прохладеній, какъ многіе нынѣ въ міру начальствующіе творять, ибо думаютъ, что владѣемое ими дано имъ въ даръ, посему наипаче хотятъ прихотей, полагая себя безъответными предъ судомъ Божиимъ, — но имъ же дано много, много и взыщется отъ нихъ. А ты, о человѣкъ Божій, и благочестиваго корня отрасль, діадиму нося въ нынѣшнемъ вѣкѣ, попекися вѣнецъ правды носить въ день Господа. Читай святое Писаніе часто, да просвѣщенъ будешь отъ свѣта правды и твори благо и благоугодно; бди и молись Богу, да дастъ тебѣ силу разсудить добро отъ зла и ложь отъ правды, ибо съ симъ разсужденіемъ творится всякое исправленіе. Если всякій человѣкъ, то наивысшее слово, царскій умъ, подобенъ есть Божію, и хочетъ самъ Богъ, да какъ онъ заботится о самыхъ малыхъ вещахъ (какъ говорится въ Евангеліи, что власы главы сочтены отъ Бога), такъ и царь

да печется и скорбитъ и молится и бдитъ и спрашиваетъ, читаетъ и учится, да разумѣеть добро всѣхъ начальниковъ своихъ и да будетъ воистину образъ Божій и жилище блаженное многохвалимой Троицѣ. Многіе совѣтники и друзья цареви, многіе наряжатели и исправители, но царь даетъ мѣру, какъ Богъ отъ Духа далъ Моисею 70 мудрецовъ, но все надлежащее попеченіе въ себѣ да имѣеть и все долженъ знать, да не имѣють они всей мзды управленія, но да имѣеть наибольшую царь, поелику всегда печалуетъ. Посему глаголасть Богъ къ Моисею: не дамъ славы своей другому; даетъ Богъ благодать Св. Духа людямъ, но по части всякому, самъ же имѣеть всѣ дары совершеннѣйшіе. Такъ, добропобѣдное мое чадо Θεодоре, вѣруй, устрой паству твою достойно, не такъ, чтобы самому быть безопасну; но какъ солнце достигаетъ свѣтлостію своею во всю подсолнечную, такъ и ты самъ острымъ разумомъ и промысломъ пекись о молящихся и нуждныхъ и обидимыхъ, о чести и славѣ благихъ и конечномъ спасеніи всѣхъ правдивыхъ и неправдивыхъ, разумныхъ и неразумныхъ, ибо ты долженъ, какъ Павелъ былъ долженъ іудеямъ и еллинамъ, мудрымъ и неразумнымъ. Ибо что есть благочестивый царь какъ не апостоль І. Христа, помазанникъ Божій, помазанный Духомъ Сына его, имѣющій въ себѣ царское священство, печалующійся о всѣхъ спасеніи, довольствѣ, умиреніи, о покоѣ душевномъ и тѣлесномъ по силѣ человѣческой. Посему говорили нѣкоторые изъ мудрыхъ, что благочестивое царствіе есть слава, свободное отъ всякой сопротивности; поелику какъ правду являетъ законнымъ достояніемъ, и заботливое начало власти покой себѣ ожидаетъ въ церкви первородныхъ написанныхъ на небесѣхъ, такъ и когда царь печется, упокоеваются многіе, а когда онъ инымъ вѣрять правителямъ, то раззоряются многіе. Сего ради и Давидъ утреневалъ къ Богу и Константинъ равноапостоль въ попеченіи, какое имѣлъ о всей вселенной, и Моисей угодникъ Божій, который видѣлъ Бога и былъ рукоплагателемъ архіереевъ. Такъ и царь, если оставить временное грѣховное услажденіе, то успокоить любовь міра сего и попечется только о людяхъ Божіихъ по силѣ

человѣческой, смиряя себя предъ Богомъ, какъ говорилъ Авраамъ Богу: „азъ есмь земля и прахъ“⁴³⁾....

Но главнымъ и первѣйшимъ качествомъ русскаго православнаго царя должно быть, по мнѣнію Досиеея, глубокое благочестіе, твердая вѣра въ помощь Божію, благодаря чему онъ одолѣетъ несомнѣнно всѣхъ своихъ враговъ, въ чемъ наглядно убѣждаютъ примѣры изъ священной и церковной исторіи. „Что основаніе непоколебимое есть, пишетъ онъ царямъ, въ 1693 году, и честь царская — благочестіе къ Богу, видно отъ святаго Писанія, ибо которые цари были радѣтельны къ благочестію и угодными дѣлами были искренніе его хранители, побѣждали враговъ своихъ безъ трудности и всѣми супостатами своими владѣли. Таковъ былъ Іосія, который поборалъ на супостатъ народа Божія; превыше всякаго слова похвалъ получилъ онъ царствію своему и славу, не токмо древними, но прославляется даже и до нынѣ у тѣхъ, у которыхъ божественный умъ вкореняется. Воспоманемъ же полезно и то, что учинилъ Іезекія премудрый во время свое, понеже не мало пользовать будетъ вашему царскому величеству сила сего слова, ибо во время его нѣкоторый Рапсакъ безчисленное имѣлъ множество войска коннаго, а пѣшаго равно съ пескомъ, и, пришедъ къ стѣнамъ іерусалимскимъ, всякіе промыслы учинилъ и словесно похвалился взять и раззорить святыи градъ Божій; но Іезекія предварилъ ревностію, которую имѣлъ къ Богу и къ благочестію, и моленіемъ и тако изыде ангелъ Господень и убилъ отъ ополченія ассирійскаго 122 тысячи. Тако по немъ Константинъ Великій и потомъ иные нѣкіе православные цари, ради защищенія церкви Божіей, великіе быша и именовашеся и на бранѣхъ явишася зѣло крѣпкіе и на супостаты страшные“⁴⁴⁾. Въ 1698 году убѣждая государя продолжать войну съ турками безъ всякаго опасенія за ея успѣхъ, Досиеей совѣтуетъ царю имѣть въ виду примѣры „великаго Моисея, а послѣ него Судей и Давида, которые много по-

⁴³⁾ Турецкіе статейные списки № 18, лл. 222 — 225. Греч. дѣла 7186 г. № 3.

⁴⁴⁾ Греч. дѣла 7201 г. № 4.

трудились на войнѣ, и послѣ нихъ еще славныхъ благочестіемъ великоименитыхъ самодержцевъ греческихъ“⁴⁵⁾...

Высказывая безграничное уваженіе и даже благоговѣніе предъ божественнымъ достоинствомъ русскаго царя, Досиеей въ тоже время не хотѣлъ, чтобы высокое достоинство и значеніе царя затемнялись какими либо его ошибочными дѣйствіями, почему онъ считалъ себя нравственно обязаннымъ предостерегать царей отъ ошибокъ, высказывать имъ истину, если находилъ, что они дѣйствуютъ вопреки ей. „Мы, писалъ Досиеей царямъ въ 1686 году, говоримъ о Богѣ и церкви во Св. Духѣ, — Богъ не взираетъ на лицо человѣка и намъ несвойственно такое лицепріятіе съ младенческаго возраста, мы же возлюбили даже до крови державнѣйшее и святое ваше царствіе, духовно разсуждая о духовныхъ; умолчать же о правдѣ воистину былъ бы грѣхъ превеликій, чтобы не сказать столь достойнымъ мужамъ подобающее и приличное и безгрѣшное въ день Господень“⁴⁶⁾. И онъ дѣйствительно не стѣснялся говорить царямъ правду. По поводу подчиненія Кіевской митрополи Московскому патріарху, чему Досиеей очень не сочувствовалъ, онъ съ горечью пишетъ царямъ, что просить о подчиненіи Кіевской митрополи Московскому патріарху слѣдовало „не чрезъ деньги, но просто ради вѣры и пользы вѣрнѣхъ, не такъ какъ нынѣ, когда честнѣйшій вашъ посланникъ извѣщалъ намъ, что если дадимъ грамоту, дасть и милостыню, а если не дадимъ, не дасть; и киръ Діонисію (Конст. патріарху), который просилъ денегъ, отвѣчалъ: что имѣетъ наказъ царскій прежде взять грамоты, а потомъ дать деньги. И подобаетъ ли сей апостольской церкви великія Москвы просить у матери своей, восточной церкви, духовныхъ даровъ за деньги? — Неужели грамота она, которую преемлетъ честность его отъ Константинопольскаго и такого рода прошенія, ради денегъ, праведны?—И достоинство имѣетъ ли такая грамота?—Если ради

⁴⁵⁾ Приложенія № 3.

⁴⁶⁾ Арх. юго-зап. Рос V, 157.

нищеты и привыкли нѣкоторые брать деньги и выдавать грамоты, то прилично ли вашей церкви просить такимъ образомъ о столь великихъ дѣлахъ? О, если бы святой Богъ сіе простилъ“⁴⁷⁾! По поводу продажи русскими плѣнныхъ шведовъ въ Турцію, Досиѳей пишетъ государю Петру въ 1706 году: „пишемъ нынѣ объ одномъ великомъ и нужномъ дѣлѣ, которое, по данному намъ отъ Бога духовному дарованію, имѣемъ должность донести, не въ наученіе вашему царскому величеству, ебо вѣдаемъ, что Богомъ просвѣщенъ и богомудръ, но въ напомианіе, а наипаче поелику въ вашей богочраимой державѣ имѣемъ чинъ доносителя. Шведы, хотя и еретики, но, когда приѣмлютъ ихъ въ Москвѣ, дѣлаются православными мало по малу; но бываетъ и то, что позволеніе имѣютъ нѣкоторые вывозить ихъ въ землю турецкую и покупаютъ ихъ папешники и кальвины, а не одни православные, и еще продаютъ ихъ и туркамъ. Пресвѣтлѣйшій и превеликій государь! не допусти, дабы труды твоего царскаго величества были въ прибыль нечестивымъ, а потомъ: не грѣхъ ли сіе предъ Богомъ и на свѣтѣ не великое ли безчестіе? поелику не изъ котораго христіанскаго государства не привозятъ сюда продавать христіанъ, а изъ святыхъ странъ привозить непристойно. Надобно, если изволите, повелѣть, чтобы не вывозили христіанъ больше, и объявить ослушникамъ смерть неотложную, и будетъ великая честь и великая слава твоему царскому величеству. Мы, какъ долгъ имѣя, доносимъ церковную правду вашей свѣтлости; а вашему благочестію, какъ сыну церкви, праведно послушать, да возъмѣешь и Бога должникомъ своимъ во всякой правдѣ“⁴⁸⁾.

Такимъ образомъ русской царь представлялся Досиѳею единственнымъ теперь главою, опорой и защитникомъ всего вселенскаго православія, царемъ глубоко благочестивымъ по всей своей жизни и дѣятельности, царемъ ревнующимъ о неизмѣнномъ сохраненіи вѣры, церковныхъ св. отцами установлен-

ныхъ чиновъ и обычаевъ, не допускающимъ въ нихъ никакихъ переменъ и нововведеній, царемъ всегда строго соблюдающимъ всѣ свои дѣйствія съ интересами всего православія, недопускающимъ въ нихъ ничего, чтобы несогласно было съ достоинствомъ православной церкви, съ признаваемыми ею правилами, постановленіями и обычаями, царемъ всегда готовымъ поревновать примѣрамъ древнихъ еврейскихъ и позднѣйшихъ греческихъ благочестивыхъ и святыхъ царей, которыхъ доселѣ прославляетъ церковь.

Какъ въ прежней греческой имперіи рядомъ съ благочестивымъ царемъ всегда стоялъ и патріархъ, такъ было и въ русской благочестивой державѣ, гдѣ рядомъ съ царемъ находился и патріархъ, отъ котораго не менѣе чѣмъ отъ царя зависѣло правильное теченіе всѣхъ русскихъ церковныхъ дѣлъ. Кромѣ того, какъ ближайшее духовное лицо къ главѣ всего православнаго міра — царю, Московскій патріархъ могъ оказывать поэтому то или другое вліяніе и на весь православный міръ, воздѣйствуя на царя въ томъ или иномъ направленіи, вслѣдствіе чего Московскій патріархъ въ извѣстныхъ случаяхъ получалъ значеніе общеправославное, вселенское. Въ виду этого, если Досиѳей считалъ себя обязаннымъ указывать и разъяснять русскимъ царямъ ихъ обязанности по отношенію къ вселенской церкви, то онъ не прочь былъ при случаѣ наставить и Московскихъ патріарховъ относительно лежащихъ на нихъ обязанностей къ церкви русской и къ церкви вселенской.

Съ патріархомъ Іоакимомъ Досиѳей пытался было войти въ постоянную переписку, чтобы обмѣниваться съ нимъ взглядами по поводу разныхъ церковныхъ событій, считая подобную переписку дѣломъ очень полезнымъ для самой вѣры. Отъ 24 іюля 1679 года Досиѳей пишетъ Іоакиму: „нужное есть дѣло епископомъ межъ собою писати, и противу того паки не писати, кажется бытъ умаленіе вѣры, то дѣло вѣдаетъ и ваша любовь, и мы о томъ выборъ учинили изъ повѣсти дѣлъ вселенскихъ соборовъ и святаго писанія, которое инымъ временемъ пошлемъ къ вамъ. Но писати другу другу епископомъ часто, зѣло есть преподобное и нужнѣйшее, единое токмо тому дѣлу задержаніе причиняетъ, се

⁴⁷⁾ Ibid. 152.

⁴⁸⁾ Приложенія № 13.

есть: нашествіе межъ собою мірскихъ владѣтелей“. Чтобы облегчить возможность постоянной переписки, Досиеей отлагаетъ особые патриаршіе титулы и надписываетъ свое посланіе къ Іоакиму просто: „господину моему превозлюбленному и сослужителю Іоакиму о Господѣ радоватися“ и далѣе доказываетъ, что въ древнее время при перепискѣ между собою епископовъ титулы не употреблялись и затѣмъ говорить: „того ради и мы пишемъ нынѣ и подаемъ вѣдомость братской твоей любви, чтобы вѣдалъ и не подивился на той образецъ, какъ тебе поздравляемъ, съ которымъ и впредь вамъ будемъ часто писати и молимъ, чтобъ и вы писали къ намъ о себѣ“. Подробно сообщивъ затѣмъ Іоакиму о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Іерусалимѣ и выразивъ пожеланіе получить отъ Іоакима подобныя же обстоятельныя свѣдѣнія о дѣлахъ русской церкви, Досиеей поучаетъ Московскаго патриарха: „не можемъ повѣдати, пишетъ онъ, какъ желаемъ, молимъ же Господа нашего Іисуса Христа, яко подастъ вамъ разумъ во всемъ и можете править стадо его въ преподобности и правдѣ, молимъ же и мы вашей любви, яко да посѣтите мирнаго состоянія святыи церкви образы бывающе благихъ дѣлъ и созидуще всякаго словомъ Евангелія; и наипаче о томъ потщитесь, чтобъ не учинилось въ церкви какихъ новыхъ образцовъ, но и въ малѣйшихъ повелѣніяхъ и чинахъ и обычаяхъ послѣдуйте слѣдами отцовъ вашихъ и внимайте съ великимъ прилежаніемъ, чтобы никто изъ вѣрныхъ, такъ отъ великихъ такъ и отъ малыхъ, чтобъ не чли и отнюдь бы не держали у себя такіе книги, въ которыхъ содержится скверное и безбожное ученіе папиныхъ поклонниковъ, или безбожное и скверное ученіе лютеровъ и кальвиновъ, понеже наполнены суть лести и лукавства и въ притвореніи благочестія имѣють ученіе безбожства. И будите ревнители божественнаго Павла, бдите, трудитесь и посѣтите тѣмъ, что оный учитъ о епископахъ, яко да наставище увѣренное вамъ стадо въ путь спасенія, достойни будете вѣнца правды въ день Господа. И съ нѣкоторымъ человѣкомъ разумнымъ пишите къ намъ, какъ пребываете вы и тамошняа святая церковь, яко да радуемся и мы съ вами радующимися, якоже плачемъ съ плачущими. Обаче пишите

къ намъ просто и не искусно и такимъ образомъ и обычаемъ, какъ и мы сіе пишемъ“⁴⁹⁾.

II. Іоакимъ не выразилъ однако особенной охоты вступить въ постоянную переписку съ патриархомъ іерусалимскимъ. Онъ отвѣчалъ Досиеею только уже чрезъ два гда (въ іюль 1681 г.) и вмѣсто того, чтобы писать безъ титула, какъ просилъ Досиеей, надписываетъ свое посланіе: „Блаженнѣйшій и святѣйшій патриархъ святаго града Іерусалима и всея Палестины, господине киръ Досиеей“, и затѣмъ: „Іоакимъ Божіею милостію патриархъ Московскій и всея Россіи“. Въ объясненіе того, почему онъ такъ долго не отвѣчалъ Досиеею и почему не считаетъ возможнымъ для себя вступить съ нимъ въ частую переписку, Іоакимъ пишетъ, что получивъ грамоту Досиеея „и прочетше писанное, обрѣтохъ въ немъ глаголь твой возвѣстительный, яко нѣсть отъ насъ къ твоему блаженству писанія по частѣ, и о семъ да не имаши на ны ни коего мнѣнія, ибо мы вамъ писати готови есмы съ любовію, но сумнительны быхомъ ради владѣющихъ вашими странами, да не вину кую дамъ писаньи нашими содержащимъ васъ и сотворимъ какимъ либо случаемъ вашему жителству поврежденіе, тѣмъ же и не писачомъ доселѣ“. А такъ какъ государь теперь посылаетъ своего посла въ Константинополь, то Іоакимъ и проситъ Досиеея, „что ежели сей посолъ востребуетъ отъ твоего святительства какого вспоможенія, о чемъ онъ отъ царскаго величества посланъ, слова потребнаго или добраго совѣта, благоволи ради любви Христовы, яко вѣдущій тамошнія обычаи, ему помощь въ томъ творити“. Затѣмъ пишетъ, что посылаетъ Досиеею два сорока соболей и только⁵⁰⁾. О церковныхъ русскихъ дѣлахъ, о себѣ самомъ, писать о чемъ просилъ его Досиеей, не говоритъ ни слова, хотя русскій посолъ отправленъ былъ въ Константинополь между прочимъ и специально по церковному дѣлу: просить восточныхъ патри-

49) Прил. № 14.

50) Рукописный сборникъ спб. синод. библ. № 473, л. 16—17.

арховъ о разрѣшеніи Никона. Очевидно, что п. Іоакимъ, видѣвшій въ Досиѣѣ, и вполне справедливо, сторонника п. Никона, вовсе не желалъ входить съ нимъ въ переписку и вообще поддерживать съ нимъ какія либо близкія отношенія, что довольно ясно и далъ ему понять своимъ отвѣтомъ. Но не смотря на это Досиѣѣ поспѣшилъ прислать п. Іоакиму новую грамоту, которой теперь уже даетъ обычное оффиціальное надписаніе: „Досиѣѣ милостію Божіею патріархъ святаго града Іерусалима и всея Палестины“, а патріарха Іоакима уже титудуетъ: „блаженнѣйшій и святѣйшій патріархъ царствующаго великаго града Москвы и всея великія Россіи, сарматскій, масагетскій, савроматскій, скиѣскій, иркканскій и всѣхъ сѣверныхъ странъ господине, господине киръ Іоакимъ“. Затѣмъ Досиѣѣ поучаетъ Іоакима относительно надлежащаго исполненія имъ его пастырскихъ обязанностей: „молимъ тя, потщися себя поставить предъ Господомъ дѣлателя искусна, право правяща слово истины, и яко убо свѣтъ просвѣщай церковь со писаніемъ и схолами и ученіемъ евангелія мира. Яко соль имѣй слово солию растворено, къ тебѣ бывающимъ о согрѣшеніихъ буди вскорѣ милостивъ, отъ бывающихъ же къ Богу согрѣшеніихъ ко кающимся буди сострадательнъ, аще же злость пребываетъ и наказуема наругается, буди страшенъ и любовинителенъ. Еще же: и въбра христіанская нынѣ пріяла всякое преданіе святыхъ отецъ, и кто положитъ когда или выложитъ отъ обычай церковныхъ, иже соборная церковь держитъ, по первомъ и второмъ наказаніи да наказуется достойно ради безчинія его. Храни, храни, храни стадо Христово чисто отъ латинскаго письма и книгъ, яко все въ нихъ есть ученіе антихристово, понеже есть полны новосвѣченія, полны хулы; въ нихъ бо есть безбожіе кальвиново и лютерово, довлѣтъ благолѣпіе и красота святыхъ Христовы церкви,—не мѣшайте со блудники, блудники же есть еретики и книги ихъ. Великій царь Константинъ и Θεодосій и Устиніанъ законоположиша Порфирія и Манента книги да не обрѣтаются, идѣже обрѣтутся, да сожгутся, и елицы я хоронятъ, смертію да казнятся. Тако сотворите и вы о латинскихъ книгахъ, яко есть лестныя и прелестныя. Философскія наши книги научили насъ вначалѣ

нечестію, Еваагеліе же даде намъ спасеніе,—довлѣтъ сіе“⁵¹⁾. Едвали уже этотъ учительный-наставительный тонъ Досиѣѣ могъ расположить п. Іоакима къ дальнѣйшей частой перепискѣ съ Досиѣѣмъ. А между тѣмъ произошли еще нѣкоторыя событія, которыя должны были еще болѣе обострить отношенія между московскимъ патріархомъ и іерусалимскимъ, такъ что Досиѣѣ сталъ предполагать, что дѣйствіями патріарха Іоакима руководятъ нерѣдко предосудительное властолюбіе и гордость. Еще въ грамотѣ къ п. Іоакиму въ 1679 году Досиѣѣ заявлялъ: въ прошломъ году, когда я былъ въ Яссахъ, одинъ священникъ литвинъ-латинянинъ сказалъ намъ, „что добро творитъ патріархъ московскій, который четырехъ патріархъ тѣхъ, что его поставили быти патріархомъ, не воспоминаетъ ихъ по имени, но обще о православныхъ патріархахъ“, чему мы, замѣчаетъ Досиѣѣ, не повѣрили. „А буде есть истинно, продолжаетъ Досиѣѣ, такъ братская твоя любовь впредъ берегися о томъ и не воспоминай обще, зане и еретики своихъ несвященныхъ епископовъ патріархами именууютъ, и отступникъ папа патріархъ именуется, и всѣ схизматики и отступники и еретики себе православныхъ именуютъ и для того, когда воспоминаешь обще, родится отъ того усумнѣваніе и къ тому слѣдуетъ подозрѣніе и наконецъ причиняется мятежъ“. И предположивъ, что Іоакимъ можетъ быть не дѣлаетъ поименнаго возглашенія восточныхъ патріарховъ по гордости и кичливости, сурово замѣчаетъ: „превозлюбленный брате мой, апостольскаго епископа не начертаетъ богатая и мірская гордость, яко мірская носяще, въ домахъ царей суть; но свидѣлствуютъ его исполненіе приказанія Господня и поучительное слово и сохрании церкву отъ всякихъ новыхъ уставовъ, въ тѣхъ пребывай и дѣйствуй, яко да похвала твоя будетъ при Бозѣ, а не при чловѣкахъ“⁵²⁾.

Еще болѣе вознегодовалъ Досиѣѣ на п. Іоакима, когда кіевская митрополія была подчинена московскому патріарху,

⁵¹⁾ Прил. № 15.

⁵²⁾ Прил. № 14.

въ чемъ Досиѣеи уже прямо увидѣлъ „несытость славы“ „желаніе чуждыхъ“ со стороны Іоакима. Въ грамотѣ къ нему онъ пишетъ: „нѣкій верхъ злыхъ насъ сокрушаетъ и насъ сушатъ церковная смущенія и бури, самолюбное же и зарватное, и насытость славы, и желаніе чуждыхъ, которое зло не токмо нынѣ здѣ преизлишествуетъ, но достигнуло даже и до васъ. Братская твоя любовь рукоположилъ еси митрополита въ Кіевъ и возвѣщаяши, яко нужда бѣше быти тако: и когда бы было по смотрѣнію сіе дѣло—добрѣ тое сотворилъ еси. И ты бы просилъ единую грамоту прощенную о бывшемъ дѣлѣ и другую грамоту на епископы—да покарются митрополиту; и аще бы наипаче было совѣтомъ всея церкви могли бы сіе сотворити удобнѣе.... И не долѣтъ еже быти митрополія московская патриаршескій престоль, даде же и церковь волю, да рукополагается отъ своего собора и почитается всѣми патриаршескими чины; но еще ищите взяти и чуждую епархію. И какую благословную вину можете рещи предъ Богомъ и человекѣми? Аще убо московскій патриархъ ставитъ въ Кіевъ митрополита—казаки будутъ стояти добрѣ, и аще ставится отъ константинопольскаго патриарха—не будутъ стояти добрѣ; наипаче же отчужденіе епархіи сотворитъ великая зла христіаномъ, живущимъ въ Польшѣ, и яко аще пришлютъ изъ Польши или Украйны и попросятъ другаго митрополита, тотчасъ поставятъ другаго,—и сіе бы не было. Что вина да оттерзаете чуждую епархію? не есть ли стыдъ отъ людей, не есть ли грѣхъ отъ Бога! Да присылаете деньги и изъ ума людей выводите, берете грамоты сопротивны церкви и Богу. Сказывалъ намъ посланникъ вашъ, яко письма отъ васъ не привезъ, токмо приказали ему дати намъ милостыню, аще дадимъ ему письмо, якоже хоцетъ; и аще не дадимъ ему, и онъ намъ да не отдастъ. И аще бы нѣчто нужно быти сему, еже просите, мы и Іерусалимъ бы сотворили епископією, и ноги бы ваша мыли, якоже Христось сотворилъ ко устроенію церкви. Но кромѣ нужды для чего да движутся предѣлы отеческія? И кто можетъ сія да проститъ?... Аще хоцете имѣти хотѣніе свое, вѣдайте, яко церковная воля не есть, якоже и мы не хоцемъ, да не причастимся сему грѣху;

такоежъ не хоцемъ ниже васъ, да будете подлежащими въ семъ грѣсѣ“¹⁾).

Скоро Досиѣею пришлось убѣдиться, что московскій патриархъ подчиненіемъ себѣ кievской митрополіи неудовлетворился, а идетъ по этому пути далѣе, стремится подчинить своей власти уже область подлежащую вѣдѣнію самого патриарха іерусалимскаго,—возникло такъ называемое „синаиское дѣло“.

Въ сентябрѣ 1682 года въ Москву прибылъ синаискій архіепископъ Ананія, присутствовавшій на московскомъ соборѣ 1667 года. Архіепископъ подалъ царямъ челобитную, въ которой заявлялъ: „житіе наше, богомольцевъ вашихъ, въ самой пустынѣ между арабами. Собрано въ нашей обители братій 400 человекъ, а крестьянъ не имѣемъ, ни пашни около монастыря, нѣтъ никакихъ и промысловъ, живемъ исключительно милостынею, для чего ежегодно рассылаемъ по всему христіанству до 300 братій, и на выпрошенное ими имѣемъ пищу и одежду; изъ этого же даемъ ежегодно дань туркамъ и арабамъ, и выходитъ на дань по 10,000 и больше ефимковъ въ годъ, да сверхъ сего они—арабы всякій день въ монастырѣ пьютъ и ѣдятъ и запасъ своею рукою берутъ сколько хотятъ. А въ нынѣшнихъ временахъ между христіанами, отъ которыхъ мы богомольцы милостынею питались, великое стало оскудѣніе и подаяніе нынѣ бываетъ весьма малое,—которыхъ старцевъ посылаемъ для милостыни, многіе безъ нея возвращаются, а иные и съ долгомъ. Мы, богомольцы ваши, не имѣя ни откуда помощи себѣ, только надѣясь на вашу государскую милость, и наипаче слыша о богоподражательномъ житіи, милосердіи и ревности къ святымъ обителямъ блаженныхъ памяти брата вашего великаго государя царя Феодора Алексѣевича, по совѣту всѣхъ братій, поволокъся я нарочно къ Москвѣ, для вспоможенія святой нашей обители и ѣхалъ не много съ годъ, и ради грѣховъ нашихъ и несчастія Господь Богъ брата вашего государскаго благоволилъ отъ временнаго царствія переселить въ

¹⁾ Архивъ юго западн. Россіи т. V, стр. 144—145.

вѣчное, и нынѣ мы, богомольцы ваши, о тѣхъ нуждахъ при-
бѣгая къ вамъ со слезами, царское ваше величество просимъ,
пожалуйте излейте на насъ милосердіе, *благоволите нашу
святую обитель взять въ свое государское попеченіе*, и не
дайте той святой и православной обители отъ скудости пріити
въ римскіе руки, потому если, государи, мы отъ великіе
скудости то святое мѣсто оставимъ, то римляне всячески о
томъ потщатся, чтобъ имъ тѣмъ святымъ мѣстомъ завладѣть,
и буде вашія царскія милости не будетъ: не изволите святыхъ
наши обители взять въ ваше попеченіе, то конечно папа
римскій потщится тѣмъ мѣстомъ завладѣть. Великіе государи-
цари смилуйтеся!“ Государи дали милостыню Ананію, но о
взятіи монастыря на особое государское попеченіе, какъ про-
силъ архіепископъ, не дали никакого отвѣта. Тогда Ананія
подалъ царямъ новую челобитную, въ которой просилъ, ради
царскаго здравія и поминовенія ихъ родителей, „не оставить
во дни свои царскую ихъ богозданную обитель и не дать ей
впасть въ руки еретиковъ на поруганіе православнымъ, ибо
сія святыхъ мѣста многіе западные государи желаютъ присвотъ
себѣ и назвать своимъ моленіемъ, и, если бы возможно было,
и съ великими даяніями, не потому, чтобы у нихъ не было
своихъ обителей и церквей, но потому что гора сія назы-
вается богоходною многіхъ ради бывшихъ и бывающихъ на
ней отъ Бога пророками и святыми Его страшныхъ безчис-
ленныхъ чудесъ, и воистину и нынѣ благодать Божія живетъ
въ ней. Примите, государи, ту обитель въ свое царское по-
печеніе, какъ новые строители, вмѣсто первостроителя Юсти-
ніана царя благочестиваго, дабы вашимъ царскимъ призрѣ-
ніемъ и помощію могла та святая обитель съ прочими свя-
тыми мѣстами держаться за православными христіанами, ибо
такая царская обитель только и можетъ держаться царскимъ
вспоможеніемъ“. Но на этотъ разъ домогательства синаитовъ
не имѣли успѣха. Тогда въ 1687 году въ Москву прибылъ
синайскій архимандритъ Кириллъ съ особыми полномочіями
отъ синайскаго архіепископа Іоанникія и синайскихъ ино-
ковъ. Въ соборной грамотѣ, привезенной архимандритомъ
Кирилломъ и подписанной архіепископомъ Іоанникіемъ и 72
синайскими иноками, прямо говорилось отъ лица архіепи-

скопа и всѣхъ синайскихъ иноковъ: „обще и единомысленно
съ нашимъ смиреніемъ соборъ святыхъ и богопроходныхъ горы
синайскія, и вси братія отъ первыхъ даже до послѣднихъ,
приходимъ къ высокому маестату (престолу) христіаннѣйшему
и православнѣйшему пресвѣтлыя державы царствія вашего,
и много иже во смиреніи поклоненіе сотворяемъ, и припа-
даемъ до лица земли съ плачемъ великимъ и многими слезами
челомъ бьемъ, и приносимъ и отдаемъ ту знаменитую и убо-
гую обитель горы синайскія вамъ великимъ государемъ и
великодержавнымъ и пресвѣтлымъ монархамъ, да будете,
великіе государи, тому святому и богопроходному мѣсту
строители и обладатели, яко новіи и блаженніи вмѣсто царя
Юстиніана ктиторы.“ Далѣ архіепископъ пишетъ: „пришлите
отъ себя иноковъ въ святую обитель (разумѣтся иноковъ
изъ русскихъ монастырей), да будутъ они молиться вмѣстѣ
съ нами за васъ, а другіе опять придутъ къ вамъ и лучше
извѣстятъ то, что видѣли сами въ нашей пустынѣ, каково
наше житіе—зло или добро... Не отриньте нашего моленія и
посланныхъ нашихъ, примите обитель подъ державу своего
царствія и имѣйте къ ней ревность, ибо мы не имѣемъ гдѣ
главы подклонить, да не опустѣетъ сіе поклоненіе всѣхъ
православныхъ христіанъ“. На этотъ разъ домогательства
синаитовъ имѣли полный успѣхъ. Отъ государей велѣно
было изготовить грамоту къ синайскому архіепископу съ из-
вѣщеніемъ, что они по челобитью его синайскую гору въ
призрѣніе свое принять изволили, изъ русскихъ монастырей
монаховъ по два человѣка послать туда указали, жалованье
имъ посылается на 150 р. соболями, не въ примѣръ преж-
нихъ 300 рублей, которые даны были въ пріѣздъ Ананію
собственно потому, что отъ нихъ давно предъ этимъ не
пріѣзжали за милостынею. Къ этимъ полтора ста рублямъ
потомъ прибавлено было еще 100 золотыхъ червонныхъ, да
сверхъ того велѣно было устроить серебряную раку для мо-
щей великомученицы Екатерины и наконецъ синаитамъ доз-
волялось пріѣхать въ Москву за милостынею чрезъ два го-
да.—Такимъ образомъ Синай въ 1687 году былъ принятъ
подъ особое русское покровительство и долженъ былъ сдѣ-
сслаться съ этаго времени рукомъ царскимъ монастыремъ,

отчасти заселеннымъ присылаемыми въ него русскими монахами. Понятно, какое впечатлѣніе все это дѣло должно было произвести на Досиѳея, который естественно на подчиненіе Синая Москвѣ посмотрѣлъ какъ на новый захватъ со стороны московскаго патріарха. Въ грамотѣ уже не къ Іоакиму, а къ его преемнику Адріану онъ пишетъ: „Синаиты отверзаютъ монастырь свой пять мѣсяцевъ и заключаютъ его пять лѣтъ, и всегда живутъ въ Египтѣ и наслаждаются благами его, потомъ же неимѣющіе попеченія ни о какой вещи святыхъ церкви, ниже кто отъ нихъ злостраждетъ, но о единомъ токмо пекутся, во ежебы собрати имѣнія каковымъ либо образомъ могутъ“. Далѣе Досиѳей свидѣтельствуемъ, что ранѣе синаиты отдавали свой монастырь самому папѣ, и если сначала Ананія, а потомъ „злѣжительный и скаредо-жизительный“ архимандритъ Кирилль представилъ писанія, „яко поддаетъ монастырь свой Москвѣ, — вещь и незаконна и посмѣянна: незаконна убо, яко подлежащее другому патріаршескому престолу отъ времени третіею синода, како подлежати будетъ иному безъ изрѣченія вселенскому собору; посмѣянна же двухъ ради нѣжнихъ (причинъ): первое, яко како можетъ московскій патріархъ правити Синайскую гору? Второе яко монастыри всего міра поминаютъ православныхъ патріарховъ и начальниковъ православныхъ и, по образу сему вся суть всѣмъ поддана, и како ти тое, еже есть сущее, глаголютъ, яко будетъ сущее? Третіе, яко ти ищутъ язычскими и вѣшними властями, да будутъ самоглавами церкви и како покорятся вамъ? Тѣмъ же явно есть, яко лгутъ, токмо да соберутъ сребро.“ Въ заключеніе Досиѳей пишетъ Адріану: „егда приидутъ къ вамъ отцы синаитяне, и въ грамотахъ ихъ наречется архіепископъ синайскій, или въ писаніихъ своихъ подписуетъ титло, или въ великихъ или въ малыхъ нѣжнихъ писаніихъ; то да раздраете и отцы да изгоняете со срамомъ и стыдомъ, яко преступники божественныхъ канонѣвъ и наипаче яко нечестивѣйшія, понеже презираютъ обычай и изрѣченіе церкви.“ Но Досиѳей въ данномъ случаѣ волновался совершенно напрасно, такъ какъ въ Москвѣ вовсе и не думали покушаться на его верховныя права надъ Синаемъ и подчинять послѣдній власти москов-

скаго патріарха, въ чемъ скоро убѣдился и самъ Досиѳей.¹⁾

Указанныя обстоятельства настолько разстроили всякія отношенія между п. Іоакимомъ и м. Досиѳеемъ, что послѣ 1686 года, до самой смерти Іоакима, они уже не обмѣнялись между собою ни одною грамотою.

Лишь только Досиѳей узналъ о вступленіи на патріаршій престолъ, послѣ смерти Іоакима, Адріана, какъ поспѣшилъ войти съ нимъ въ сношенія. Въ мартѣ 1691 года онъ послалъ ему грамоту, въ которой поздравляя Адріана со вступленіемъ на Московскій патріаршій престолъ, въ тоже время дѣлаетъ ему наставленія, какъ онъ долженъ надлежащимъ образомъ выполнять свои архипастырскія обязанности. „Молимъ Господа Бога, пишетъ онъ Адріану, да дастъ тебѣ просвѣщеніе и силу: едино убо—да испытуеши святая писанія и святые отцы ко знанію совершенному евангельскаго ученія, силу же, да поживеши по житію апостоловъ въ образѣ священнолѣпномъ, въ одежди смиреннѣй, свяци худой, въ попеченіи не сродниковъ и друзей, но всего христинитаго люда, бдя и труждаея о всякомъ благочиніи церковнѣмъ, не опредѣляя патріаршескаго достоинства и патріаршескаго промысленія внутрь твоего великаго града, но простирая тое въ митрополи же, во епископіихъ, въ монастырѣхъ, во градѣхъ же и весѣхъ, да дѣйствуя свойственное патріаршескаго достоинства, еже есть попеченіе всѣхъ церковей, получиши небесныя вѣнцы со рекшими: теченіе совершихъ, вѣру соблюдохъ, прочее отлежитъ мнѣ правды вѣнецъ“. Указывая затѣмъ рядъ примѣровъ, какъ греческіе императоры, побуждаемые патріархами, заботились и обратили къ христіанству многіе народы, какъ они, побуждаемые патріархами, осуждали нападствуемыхъ отъ нечестивыхъ православныхъ христіанъ, говоритъ: „сице подобаетъ и вамъ творити, сирѣчь, пецися о паствѣ и дальнемъ и ближнемъ, прирадѣти же образы всякими, да окружніи языцы по возможному приложатся во благочестіе. Палежницы, аще и вельми

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. нашу статью: „Русская благотворительность Синайской обители въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ“ (Чтен. общ. любит. духовн. просв. 1881 г. окт.-ноябрь).

грѣшатъ во благочестіи, но видимъ монаси ихъ, во всемъ мѣрѣ обходятъ и превращаютъ цѣлыя народы въ папешство. Толикоже подобаетъ братіи нашей тамошнимъ монахомъ, имѣющимъ ослабу и правленіе, пецися таковымъ же образомъ о спасеніи многихъ, еже весьма будетъ вашимъ пецися, и наипаче подъ поминаніемъ къ божественной державѣ, яже убо по истинѣ подобаетъ вамъ творити и о нихъ же молимъ, да дастъ вамъ Господь просвѣщеніе и силу сія суть.“ Указывая потомъ и на то обстоятельство, что православные всего болѣе страдаютъ въ Польшѣ отъ папешниковъ, Досиеей сурово замѣчаетъ, по адресу московскихъ патріарховъ: „и вѣщная страдаютъ братія наша, иже суть въ Польшѣ, и вы храпите, яко же Иона въ кораблѣ: и гдѣ есть, еже возлюбши ближняго своего яко ты самаго? ¹⁾ И въ послѣдующее время Досиеей, вступивши съ патріархомъ Адрианомъ въ переписку, хотя и не частую, не опускалъ случая наставить московскаго патріарха. Такъ наприимѣръ: въ 1696 году Адрианъ обратился къ константинопольскому патріарху съ вопросомъ о нѣкоемъ Діонисіѣ Жакобрицкомъ, который былъ женатъ на вдовѣ: можно ли его поставить епископомъ луцкимъ? Грамоту объ этомъ Адрианъ отправилъ къ Досиеею, чтобы онъ переслалъ ея константинопольскому патріарху. Досиеей исполнилъ порученіе Адриана; но сейчасъ же пишетъ ему въ наученіе: „грамоту вашу послахомъ всесвятѣйшему въ Царь-градѣ и писахомъ, чтобы онъ отвѣтъ вамъ далъ по нѣкому образу, яко вопрошающимъ. Обаче глаголемъ, яко сему быти невозможно и никое строеніе невмѣщается, зане возбранено есть нетолько отъ помѣстныхъ избранныхъ отцевъ, но и отъ вселенскихъ соборовъ и отъ самаго писанія, и не токмо вселенскій патріархъ со всѣмъ своимъ освященнымъ соборомъ, но хотя вси патріархи и епископи во едино соберутся, не могутъ такое строеніе сотворити и перемѣнити, что обще опредѣлено и обще предано и обще отречено. Отнелѣже Господь приде на землю и даже до нынѣ, сицево строеніе ниже бысть, ниже бываетъ,

¹⁾ Рукоп. сборникъ спб. синод. библ. № 473 л. 146—147.

ниже будетъ во церкви Божіи, яже всякаго безмѣстия и всякія скверны вышша есть и сицеваго порока не приемлетъ; тѣмъ же ниже твоя святыня можетъ сотворити, о чемъ ниже вопрошати подобало. Аще же той Діонисій человекъ честный, да учинится отъ него промысль, чтобы инога человека обрѣсти честна во епископа, къ сему да помогаетъ и онъ церкви Божіи, елико можетъ, якоже и мнози монаси токмо помогаша церквамъ Божіимъ и трудшася за тья въ различная времена зѣло премнога. Господь глаголетъ: доброе нѣсть добро, аще не добръ будетъ,—не правымъ же и беззаконнымъ образомъ церкви Бога живаго никто можетъ служить, но права приносяща приемлетъ, аще же не приемлетъ и отвращается, почесому Богъ на жертву тую не внимаетъ? Къ сему же еще и порокъ о семъ случаѣ въ церкви Божіи будетъ, о чемъ папешницы униаты будутъ вопити до небесъ и глаголати, яко церковь восточная подпаде ереси, приемлюще во іерейство, вдовамъ посягающая. И самыя лютеры и кальвини будутъ оправдаться и печатати въ книгахъ своихъ глаголюще: яко восточная церковь приобщилася намъ понѣческому приемлюще во іерейство посягшія вдовамъ и что поносятся Лютеръ и Кальвинъ сицевая законопологающе? Мартинъ, аще растлился дѣвѣ нѣкоей и извергійся изъ церкви, новопостави ересь и прельстилъ тысящи тысящей, но не попустиша тому священнодѣйствовать отцы, Діонисіева же сожительница, аще и не блудница была, но равно со блудомъ бракъ вдовы отлучается отъ іерейства, зане аще архіерей древняго завѣта, сѣни служай, не можаще взяти вдову, колми паче въ новомъ завѣтѣ кто сіе сотворивъ, прежде быти возмогъ или есть епископъ, или хотя меньшее: іерей или діаконъ? Тѣмъ же сему быти невозможно, наипаче же невозможныхъ невозможншее... Сія къ братству твоему (пишемъ) въ любви, не учаще, но напоминающе и совѣтующе, да удаляетея отъ таковыхъ строеній, яко отъ змія, ежебы сохранить вамъ славу восточныя святыя церкви, тожде рещи каеолическія и апостольскія, еже есть право правити въ ней слово истины безо всякаго новосѣченія и новопоставленія, яко да возможши глаголати со апостоломъ: теченіе совершихъ, вѣру соблюдохъ, прочіе готовится мнѣ правды вѣнецъ,

его же да дастъ мнѣ Господь въ оный день.“¹⁾ Или, на примѣръ, въ 1700 году, Досиѳей, укоряя п. Адриана за то, что онъ по достоинству не порадовалъ предъ государемъ объ освобожденіи св. мѣстъ изъ рукъ французовъ, пишетъ ему: „Православные самодержцы, якоже подвизающесе различно о святыхъ церквахъ, нарицаются во вселенскихъ соборѣхъ іереи и цари и архіереи и спасители и стражи вѣрѣ и имѣюще попеченіе всѣхъ церквей; обаче сіи болши приличествуетъ церковнымъ княземъ, а наипачѣ святѣйшимъ патріархамъ, иже преемнице суще святыхъ апостоловъ, разнственно имѣють особливое попеченіе о всѣхъ церквахъ по святымъ апостоломъ, какъ учитъ блаженный Павелъ. И аще когда либо требованіе церковныя вещи лучится царскія силы требующее, патріаршаго достоинства есть дѣло, еже напоминати и молити ихъ и поощряти... Православные самодержцы нетолько сами по себѣ, но и чрезъ сотеченіе и моленіе и подвиженіе святѣйшихъ патріарховъ творять совершеннѣйшая... Видимъ еретиковъ, которые за одно и дружно дѣйствуютъ противъ православныхъ, православные же нерадивы и лѣнны, чтобы попещися и помогать церквамъ, а наипаче святой церкви матери. Братская твоя любовь нѣсть уже митрополитъ московскій, да объемлются въ единой епархіи твоей попеченія твоя и труды твои, но благодатию Христовою уже патріархъ сый и сопричисляемый и считаемый съ прочими святѣйшими патріархами и имѣешь свойство, какъ и прочіе святѣйшіе патріархи имѣють попеченіе о всѣхъ святыхъ церквахъ, а наипаче о святѣйшей всѣхъ церкви матери, въ ней же явился Богъ плотию и отъ нея, яко источника приснотекущаго, напоилъ весь міръ.“²⁾

Учительно наставительный тонъ, замѣтно принятый Досиѳеемъ относительно московскихъ патріарховъ, объясняется отчасти тѣмъ, что Досиѳей смотрѣлъ на нихъ, какъ на младшихъ хотя и равныхъ ему по достоинству, представителей церкви, какъ на нуждающихся еще иногда въ наставленіяхъ и наученіяхъ со стороны другихъ патріарховъ старѣйшихъ и потому болѣе ихъ опытныхъ въ дѣлахъ вѣры и

1) Прилож. № 20.

2) Ibid. № 23.

управленія церковнаго. Съ другой стороны Досиѳеей не считалъ московскихъ патріарховъ достаточно образованными и учеными и потому достаточно свѣдущими, чтобы они могли только своими собственными силами и средствами рѣшать всѣ встрѣчающіеся важные церковные вопросы и недоумѣнія. Если іерусалимскіе патріархи обязательно должны были быть, по мнѣнію Досиѳея, людьми съ разнообразными и обширными свѣдѣніями, людьми прямо учеными, то этихъ качествъ, по мнѣнію Досиѳея, вовсе не требуется отъ московскаго патріарха, онъ даже открыто заявляетъ, что московскій патріархъ можетъ быть человѣкомъ и неученымъ. Въ грамотѣ патріарху Іоакиму онъ пишетъ: „васъ нѣщцы оклеветуютъ, яко неученыхъ, рцыте съ Павломъ: не срамляемъ евангеліемъ Христовымъ, сила бо есть всякому вѣрующему во спасеніе, и паки: нѣсть сіа мудрость, сходящая отъ Бога, но земная, душевная и учительная, глаголетъ другій апостоль; и Павелъ паки: вѣра наша не въ премудрости человѣческой, но въ силѣ Божіей, понеже да неспразднится крестъ Христовъ.“¹⁾ Въ грамотѣ къ государю Петру въ 1702 году Досиѳей настаивая на томъ, что бы царь никакъ не избиралъ въ патріархи и митрополиты иностранцевъ, совѣтуетъ избирать на эти должности только природныхъ москвичей, хотя бы они и не были мудры, „понѣже патріархъ и митрополитъ, пишетъ онъ, ежели суть добродѣтельныи и мудріи веліе есть добро; ащелиже и не суть мудри, довлѣетъ добродѣтельнымъ быти и да имѣють мудрыхъ клириковъ и въ иныхъ чинахъ.“²⁾ Тоже самое Досиѳеей опять совѣтуетъ Петру относительно избранія московскаго патріарха и въ грамотѣ 1705 года т. е. чтобы избранный въ патріархи обязательно былъ москвичъ, „и хотя не будетъ философъ, довольно ему знати церковная, и можетъ имѣти архіереевъ или клириковъ мудрыхъ, служащихъ ему.“³⁾ Однако это не мѣшало саму же Досиѳею указывать при случаѣ съ нѣкоторымъ укоромъ на неученость московскихъ патріарховъ. Въ 1699 году наши турецкіе послы, находясь

1) Ibid. № 15.

2) Ibid. № 8.

3) Ibid. № 11.

въ Константинополѣ, посѣтили и Досиея, который показывалъ посланцамъ купленные имъ греческія хроники, напечатанныя во Франціи по гречески и по латынѣ. Посланники полюбопытствовали спросить патриарха: „какъ они французы тѣ книги печатають, понеже въ вѣрѣ и въ иныхъ церковныхъ догматахъ имѣють великое разнствіе и совершенно ли знаютъ эллино-греческій языкъ?“ — Досиеей отвѣчалъ, „что печатають всю старину правдою, развѣ малое что не печатають, которое имъ что къ поношенію и ко укоризнѣ належитъ, а эллино-греческій языкъ достаточно знаютъ“ — „Потомъ святѣйшій патриархъ звалъ посланниковъ въ другую палату и показывалъ книги древніе греческіе и латинскіе, которыхъ въ ящикахъ больше тысячи книгъ и говорилъ: что у него тѣ книги вмѣсто вотчинъ, которые имѣють въ московскомъ государствѣ святѣйшій патриархъ и митрополиты и монастыри“¹⁾).

Такъ относился Досиеей къ русскимъ царямъ и патриархамъ, стараясь выяснитъ имъ лежація на нихъ обязанности относительно какъ церкви русской, такъ и относительно всего вселенскаго православія. Они должны были, по его мнѣнію, прежде всего заботиться о томъ, чтобы русская церковная жизнь была постоянно и во всемъ вѣрна началамъ и правиламъ православія, чтобы въ ней никогда и ни въ чемъ не допускалось никакихъ нововведеній, малѣйшихъ перемѣнъ или какихъ либо отступленій отъ разъ установленнаго отцами, и чтобы она текла всегда въ тѣсной связи и единеніи со всею православною церковію, чтобы возникающіе въ ней болѣе важныя церковныя вопросы и недоумѣнія рѣшались всегда мыслию и совѣтомъ всѣхъ представителей православной церкви, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ „сохранится союзъ любви и соединеніе духа мира и достоинство апостольской каѳолической вѣры немаленнымъ, но обновленнымъ и непоколебимымъ.“ Во вторыхъ, они не должны были ограничиваться заботами только объ одной русской церкви, а постоянно обращать свои взоры и на весь православный міръ, всюду облегчая участь православныхъ,

всюду оказывая православію помощь и защиту, всюду содѣйствуя торжеству его надъ иновѣріемъ. Горячая ревность о православіи, забота о его сохраненіи и поддержаніи, желаніе, чтобы Россія была его прочною опорой и защитой, чѣмъ она однако можетъ быть только подъ условіемъ, если вся ея собственная церковная жизнь всегда и во всемъ останется вѣрна православію, руководила Досиеемъ, когда онъ поучалъ русскихъ государей и патриарховъ относительно лежащихъ на нихъ обязанностей; эта же ревность о православіи побуждаетъ его зорко слѣдить за всею церковною жизнью Россіи, совѣтывать, наставлять, а иногда и обличать. Но Досиеей не довольствовался одними только общими наставленіями царямъ и патриархамъ, а принималъ въ русской церковной жизни и непосредственное живое участіе, или по вызову самого русскаго правительства, которое въ большинствѣ случаевъ приглашало его быть посредникомъ въ своихъ сношеніяхъ съ восточными патриархами по дѣламъ церковнымъ, или же по собственной инициативѣ, когда онъ считалъ себя обязаннымъ вмѣшаться въ русскую церковную жизнь или въ интересахъ всего православія; или въ интересахъ самой же русской церкви.

ГЛАВА II.

Въ первый разъ Досиеей вошелъ въ сношенія съ русскимъ правительствомъ еще будучи архидіакономъ при іерусалимскомъ патриархѣ Нектаріѣ (съ 1661 по 1666 г.) по поводу дѣла Никона, въ которомъ онъ принималъ живое и дѣятельное, хотя и негласное участіе. Въ грамотѣ къ п. Іоакиму въ 1686 году Досиеей пишетъ: „егда пріѣзжалъ іеродиаконъ Мелетій (посланный на востокъ по дѣлу Никона), работали мы тогда съ прилежаніемъ, понеже елико бысть тогда, совершилася все рукою нашею, зане блаженныя памяти бывшій патриархъ (т. е. Нектарій) бояшеса воступити на сія!“¹⁾ Въ 1706 году въ одномъ изъ писемъ къ тогдашнему нашему

¹⁾ Турецкіе статейные списки № 27, л. 203.

¹⁾ Архивъ. Юго-запад. Рос. V, 144.